

ПЕТР ПОЛЕВОЙ

ПОД ЗВОН
МЕЧЕЙ

Петр Николаевич Полевой

Под звон мечей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39428440

П.Полевой "Под звон мечей": ООО "Остеон-Групп";

ISBN 978-1-77246-647-8

Аннотация

Легенды Севера и Запада Европы – кельтские, скандинавские, германские и финские сказания о богах и героях представлены в этой книге в изложении замечательного русского писателя Петра Николаевича Полевого (1839-1902). Книга богато украшена рисунками Г. Доре, Н. Каразина, Шнорр фон Карольсфельда, Гарвда и др.

Содержание

Предисловие	6
Песни «Эдды»	11
1. Сказание о Гельги	18
2. Сказание о Сигурде	27
3. Песнь о Нибелунгах	50
Песнь о Нибелунгах	56
4. Сказание о Беовульфе	102
5. Романы Круглого Стола	134
Овенн или Дама Источника	139
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Пётр Николаевич Полевой

Под звон мечей

Печатается по изданию: С.-Петербург. Издание А. Ф. Девриена. 1898 г.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ
СѢВЕРА и ЗАПАДА ЕВРОПЫ

КЕЛЬТІЙСКІЯ, СКАНДИНАВСКІЯ, ГЕРМАНСКІЯ и ФИНСКІЯ.

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

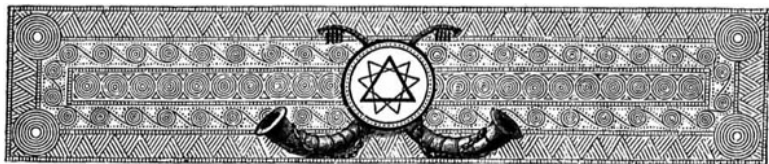
П. Н. Полевого.

Съ рисунками Г. Доре, Н. Карвинна, Шпоррь фонъ Карольсфельда, Гарнаца и друг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. ф. Девріена.

Предисловие

Мы собрали в этой книге древнейшие сказания Европейского Севера и Запада: – скандинавские, среднегерманские, англосаксонские, кельтские и финские. Мы начали с песен Сэмундовой «Эдды», наивно повествующей нам о странствованиях и приключениях богов, из своего небесного чертога спустившихся на землю, о борьбе их с волшебниками и чародеями, с чудовищными драконами и змеями-хранителями бесценных кладов, наполненных несметными сокровищами. Мы перешли потом к сказаниям германцев, в которых сумрачная основа скандинавских песен о Нибелунгах перешла в более близкую и понятную нам форму рыцарской эпопеи, мифические герои обратились в храбрых рыцарей, ловко владеющих конем и копьем, а вещие девы-валькирии – в гордых королев и графинь, окруженных покорными вассалами. Вслед за кровавой и полной трагизма «песней о Нибелунгах», мы поместили превосходное сказание о Беовульфе, многими чертами своими напоминающее дивные, нико-

гда не наскучивающие песни Гомера.

Оригинальное по замыслу и любопытное по приёмам изложения, по подробностям быта, по силе и яркости образов, это сказание о Беовульфе, насколько нам известно, впервые является в русской литературе изложенным в форме, доступной для юных читателей... Вслед за этим сказанием, которое, очевидно, родилось среди народа, всю жизнь проводившего на волнах «много-шумящего» моря, в вечной борьбе с бурями и опасностями туманной морской дали, мы поместили целый ряд игривых и замысловатых рыцарских повестей, в которых героями являются смелые и неустрашимые вассалы короля Артура, вечно пирующие за его «круглым столом» или странствующие в поисках за приключениями. Эти Передуры, Овенны и Гераны – прототипы тех рыцарей «без страха и упрека», которыми в изобилии переполнены средневековые рыцарские романы. Но рыцарские странствования, приключения и подвиги мужества, в конце-концов, прискучивают; воображению читателя, естественно, хочется отдохнуть, отвлечься в иную сторону, позабыться в мире фантастических грез и мечтаний; и вот, тотчас после сказаний о рыцарях «Круглого стола», мы даем игривые и простодушные сказания Калевалы о баснословных героях – вдохновенном певце Вейнемейнене, грубоватом Ильмаринене и веселом Леминкайнене, – и заключаем нашу книгу грациозными легендами о феях и эльфах, которые так часто вдохновляли поэтов, и воспоминаниями о первых поэтах – о кельт-

ских бардах, уже в начале новой эры составлявших сословие, с особыми правами, обязанностями и обычаями...

Мы дали нашей книге заглавие – «Под звон мечей» – потому, что все приведенные здесь сказания, заимствованные из давних времен европейской исторической жизни, представляют собою не более, как один нескончаемый отголосок тех битв и борьбы за существование, который вынесены были человечеством в период варварства и в первые века христианства, ещё не успевшего укорениться, не успевшего просветить народы, и смягчить их нравы...

В поэтических сказаниях, дошедших до нас в более поздней, значительно сглаженной форме, всё ещё чувствуются нами те страшные усилия, те ужасы и опасности, которые переживало и выносило человечество в различные периоды его возрастания и развития – в периоды борьбы с природой и её стихиями, и с теми новыми и постоянно возобновлявшимися нашествиями на Европу диких кочевников, в которых тоже было нечто стихийное, сокрушительное, неодолимое.

В сказаниях, собранных и переданных нами здесь, всюду ещё слышится тот «звон мечей», который представлялся некогда единственным способом в решении насущных вопросов исторической жизни... Способом, – увы! – и теперь ещё не забытым, но все же более и более утрачивающим свое значение в наш век преобладания духовных и нравственных стремлений над проявлениями грубой физической силы...

И может быть те, которые будут читать в нашей книге о

древних богатырях и героях, о их кровавых расправах и мужестве, безумно растраченном на борьбу с препятствиями и опасностями, ещё раз подумают:

– «Как это хорошо, что мы живем не в то отдаленное, сумрачное и туманное время битв и борьбы!.. Как хорошо, что мы принадлежим к веку, в который звон мечей становится все более и более отдаленным, а подвиги труда, – это торжество человеческой мысли и воли – все более и более отодвигают на задний план подвиги личного мужества и проявления силы».

Но отдадим честь и прошлому, и скажем вместе с нашими народными певцами:

«То старина, то и деяние»...

П. Полевой.

31 октября 1898 г.

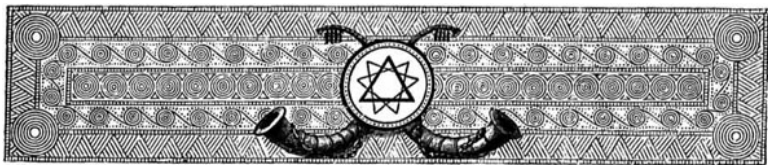

ЪСНИ

ЭДДЫ.

Песни «Эдды»

В Копенгагене, в королевской библиотеке, богатой всякими книжными и рукописными сокровищами, хранится одна драгоценная, древняя рукопись... Она четко и красиво написана, на толстом пергаменте; все страницы этой объемистой рукописи, потертые и обветшалые, испещрены в два столбца писанными короткими стихотворными строками и украшены хитросплетенными заглавными буквами, размалеванными красною киноварью... На её заглавном листе стоит краткая, но весьма красноречивая надпись: «Эдда Сэмунда Многознающего».

«Эдда» – название обширного сборника древних скандинавских народных песен о языческих богах, которым, до введения христианства, поклонялись норманны, жившие в Скандинавии (нынешней Швеции), и о тех древних героях, которые представлялись норманнам образцами доблести и мужества. Но как же могли сохраниться эти остатки седой древности? Как могли они дойти до нас сквозь тьму веков

и пережить десятки поколений? Как могли они уцелеть от ревности монахов и проповедников, с такою яростью уничтожавших даже и малейшие следы языческих верований, обрядов и памятников?

На эти вопросы мы можем ответить, что древняя «Эдда» уцелела и сохранилась до нашего времени, благодаря случайно сложившимся, благоприятным историческим обстоятельствам и условиям древней северной жизни. Дело в том, что с конца IX века весьма значительная часть населения Норвегии и Швеции мало-помалу из родной страны переселилась на берега далекой и негостеприимной Исландии, незадолго до того времени открытой скандинавскими мореходами. Поводом к этому переселению послужило то, что смелый Гаральд Гарфагер, окончательно завоевав и покорив Норвегию, стал вводить в ней новые феодальные порядки, которым местное население не желало подчиняться... И вот эти недовольные стали покидать родину и селиться в Исландии, где, мало-помалу, их отдельные общины слились в одно свободное государство, устроенное по древнему норвежскому уставу и обычаю.

Таким образом древний скандинавский дух, со всеми свойственными ему проявлениями – религией, поэзией и бытом – приютился в Исландии и продержался здесь ещё около 200 лет, недоступный никаким посторонним влияниям. Вот почему в Исландии, ещё свободнее и пышнее, чем на родной скандинавской почве, могла расцвести и народ-

ная поэзия, поддерживаемая особым сословием скальдов, или певцов, собиравших древние сказания и излагавших эти сказания в форме стройных песнопений. Все относились к скальдам с уважением, а к их песням с любовью, и эти песни признавались лучшей услугою пиров и празднеств.

Христианство проникло в Исландию в XI веке; но и оно никому в Исландии не внушило отвращения к языческой старине: – никто не спешил уничтожать память о ней, оживляемую вдохновенными песнями скальдов... Поэтому не удивительно, что и очень рано, среди населения Исландии, уже просвещаемого христианством, явились страстные собиратели древних песен о богах и героях. Особенно любопытно то, что одним из старейших собирателей и составителей древней «Эдды» явилось лицо духовное – некто Сэмунд Сигфуссон, живший в конце XI века и скончавшийся около 1135 года. Он принадлежал к одному из почетнейших родов Исландии, получил образование в Париже и, вернувшись на родину в 1106 г., вступил в духовное сословие. Как человек не только образованный, но даже ученый, он пользовался большим уважением в среде современников своих и те недаром дали ему прозвище «многознающего» (hinn fröðhi). Подлинник Сэмундова сборника песен древней «Эдды» не дошел до нас; но епископу Бриниольфу Свейнсону, ревностному собирателю скандинавских рукописей, удалось отыскать в Исландии (в 1643 г.) один из древнейших списков Сэмундова сборника, на котором он и выставил вышеприведенную

нами надпись: «Эдда Сэмунда Многознающего».

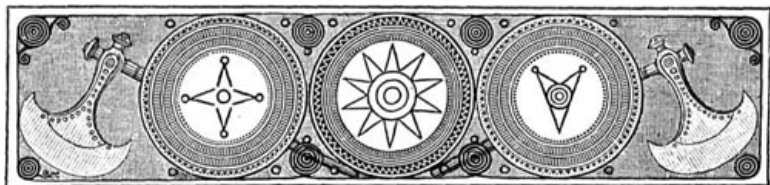
Сэмундова «Эдда» состоит из отдельных песен, сложенных на древнем северо-германском (скандинавском) наречии; все эти песни изложены в весьма краткой и сжатой стихотворной форме. По содержанию эти песни распадаются на сказания о богах и сказания о героях. В некоторых песнях, которым придан характер словесного состязания или спора, излагаются понятия древних скандинавов о мироздании и о всех девяти мирах, составных частях Вселенной. В одной из песен «Эдды» рассказывается подробно, как бог Фрей сватался за дочь великана, Герду; в другой, как бог Хеймдаль сходил на землю для учреждения отдельных сословий и установления взаимных отношений между людьми. В других излагаются отдельные эпизоды из странствований по земле высшего бога, мудрого Одина, который, в одежде странника, в темном широком плаще и в пуховой шляпе, нахлобученной на глаза, опираясь на свое копьё, обходит всю землю и следит за деяниями смертных; рассказываются также и приключения родственных ему асов (высших, светлых богов) и различные эпизоды из их вечной, нескончаемой борьбы с мрачными йотунами (великанами), а в одной из таких песен предсказывается даже грядущая гибель азов и всего созданного ими мира.

Один, высшее божество скандинавов

Рядом с высшими божествами, с всемогущими асами, в песнях «Эдды» упоминаются и низшие божества – мощные йотуны (гиганты) и хитрые, искусные карлики, и вещие воинственные девы (валькирии) и вещие звери и птицы, предсказывающее людям ближайшее будущее, предостерегающий избранных между ними от угрожающих опасностей.

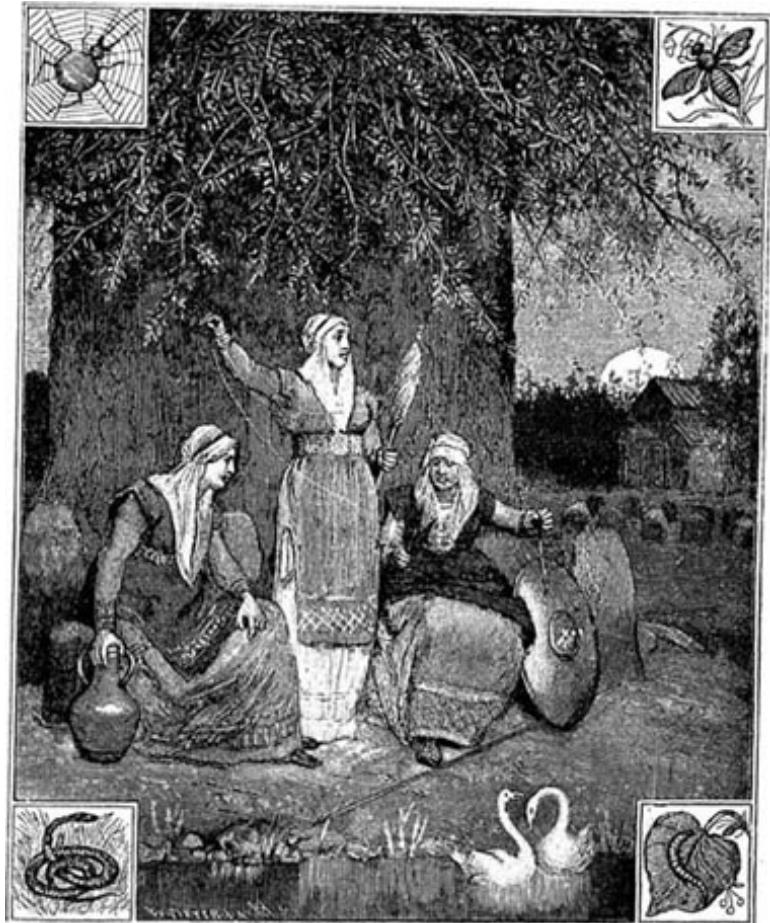
Песни «Эдды» о героях рассказывают нам о жизни и подвигах двух родов, прославленных в сказаниях Севера: о роде Вёльзунгов и роде Нифлунгов. В роду Вёльзунгов северная поэзия выбирает двух своих любимых богатырей: Гельги и Сигурда; первого она воспекает в двух песнях – второму посвящает целый круг их, который ещё более разрастается от позднейших добавлений и слияния со средне-немецкими сказаниями. Оба эти сказания, и о Гельги, и о Сигурде передадим без всяких прикрас, так, как они изложены в песнях древней «Эдды».

1. Сказание о Гельги

К знаменитому роду Вёльзунгов, прославленных воинскими подвигами, принадлежал и Сигмунд, любимец Одина. У этого Сигмунда было три сына: Гельги, Сигурд и Синфиётли. Мужественный Сигмунд пал от руки своего врага, могучего богатыря Хундинга, завещав своим детям – отмстить за него убийце, по скандинавскому обычаю. Эту волю отца исполнил старший из его сыновей, Гельги.

По словам песни, Гельги, уже от самого рождения своего, был свыше предназначен на совершение целого ряда подвигов – его ожидала воинская слава. Тотчас после его рождения, вещие жены (норны) пришли к его матери и предсказали ей славную участь, ожидавшую её сына в будущем, а «черные вороны стали радостно перекликаться на ветвях деревьев, чуя нескончаемые будущие битвы».

Норны, вещие жены, предсказывающие будущее.

Когда Гельги вырос и возмужал, то первую его заботою

было выполнение отцовского завета: месть его убийце, Хундингу. Борьба завязалась долгая и тягостная и закончилась полным торжеством Гельги, который своими руками убил могучего Хундинга и был воспет скальдами за этот подвиг...

Но подвиг этот не одних скальдов привел в восторг: – воинственная дева валькирия Сигруна, дочь Хёгни, явилась к Гельги и отдала ему свое сердце... Поздравляя Гельги с победой, она, в тоже время, просила, чтобы он защитил её от притеснений и оскорблений со стороны Хёдброда, Гранмарова сына, который добивался её руки и силою хотел её вынудить к брачному союзу.

Гельги, ни мало не задумываясь, тотчас же обещал Сигрунте свою помощь и защиту, и кликнул клич, собирая своих родных и близких в ряды воинской дружины, с которою он задумал плыть за море в область Хёдброда. И чуть только воинственный призыв раздался по пустынному побережью вечно-шумящего неприветливого моря, как уже встрепенулись сердца в груди бойцов, давно не слышавших звона мечей – и все они ринулись к оружию, к тяжелым шлемам и доспехам. Быстро собрались воины в поход, изготовили и оснастили суда, сдвинули их с берега в море – и пустились в путь по неверным волнам. На пути застала их жестокая буря и разметала их корабли в разные стороны, но Сигруна, которая парила в облаках над кораблями своих защитников, утихомирила бурю и благополучно довела корабль Гельги до одной из гаваней в область Хёдброда. Завидев приближавших-

ся с моря врагов, сыновья Гранмара, с Хёдбродом во главе, приготовились к отчаянной обороне, но не могли воспрепятствовать высадке воинов Гельги. Завязалась долгая и ожесточенная битва и продолжалась много часов под ряд; с той и с другой стороны многие храбрые пали в этой битве прежде, чем победа осталась на стороне Гельги, показавшего изумительные чудеса храбрости... Однако же победа была куплена дорогою ценою: отец Сигруны и многие из её близких родственников заплатили жизнью за победу... Эту печальную весть Гельги вынужден был сообщить Сигруне, когда та явилась поздравить своего суженого с торжеством над врагами.

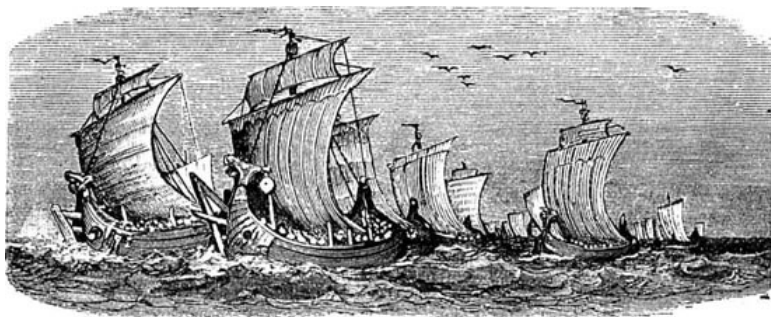

Скальды воспевают подвиги Гельги.

Вскоре после того он женился на ней и прижил с него сы-

на. Они горячо любили друг друга и были очень счастливы в супружестве; но счастье это, увы! — было непродолжитель- но...

Один из братьев Сигруны, Даг, злобствовал на Гельги за то, что Хёгни погиб в битве с сыновьями Гранмара; он искал случая отомстить Гельги, и, убив его изменнически, нагло заявил об этом злодействе сестре своей Сигруне, предлагая ей уплатить денежную пеню за убийство, по скандинавским законам. Но Сигруна с презрением отвергла его предложение, осыпала его проклятиями, и, предавшись отчаянно, ломала руки и проливала неиссякаемые слезы над свежей могилою мужа. Эти слезы не давали ему покоя в могиле и вынудили его ещё раз явиться на землю и свидеться с безутешною женою. Вот как рассказывает нам песня «Эдды» об этом последнем свидании Гельги с Сигруной:

Гельги спешит на войну с Хёдбродом.

Служанка Сигруны была под вечер невидалеке от могильного холма Гельги и вдруг видит, что Гельги едет к холму со многими людьми.

– Что же это? Пустой ли обман мне видится, или уже наступил действительно конец свету? Вот едут к холму мертвые люди! Вижу даже, как они понукают коней своих шпорами... Или уже дозволено павшим в битве бойцам возвращаться домой с того света?

И Гельги отвечал ей на эти слова:

– То, что перед тобою, – не пустой обман и не конец свету. И хотя ты нас воочию видишь, хотя мы точно погоняем коней наших шпорами – павшим бойцам все же ещё не дозволено возвращаться домой.

Тогда служанка поспешила домой и сказала Сигруне:

– Выходи, Сигруна из Сефафиёлля если ты хочешь видеть того, кто правил народом. Могильный холм открылся, Гельги пришел с того света, и кровь течет из следов, оставленных битвою на его теле. Король просит, чтобы ты пришла исцелить его раны.

Сигруна тотчас пришла на могильный холм Гельги и сказала:

– Радуюсь нашей встрече также усердно, как радуются хищные коршуны Одина, когда они по запаху чуют трупы – свое любимое кушанье, или когда видят наступление росистого утра. Прежде всего я поцелую бездыханного короля, ранее, чем он сбросит с себя окровавленную броню... Твои

волосы влажны, и сам ты весь обрызган боевою росой (т. е. кровью), и руки твои также влажны и холодны... Скажи мне, какое возмездие должна я истребовать за тебя, король.

Отвечал Гельги своей супруге:

– Ты одна только в том виновна Сигруна из Сефафиёлля, что Гельги обрызган гибельною росой: ты, золотом украшенная, лучезарная, горячая, ты плачешь обо мне горькими слезами перед тем, как ложишься спать... И каждая слеза твоя кровавою росой упадает мне на грудь, на влажно-холодную, погребенную, напитанную горем. Мы же в Валгалле¹ должны только пить дорогие вина, хотя мы и утратили жизнь и наши владения на земле; и никто не должен обо мне сокрушаться, ни петь в честь мою печальные песни, хотя бы и видел раны на моей груди.

Сигруна, между тем, постлала постель в холме и сказала:

– Я приготовила здесь тебе, Гельги, беспечальное ложе – тебе, сын Вёльзунга! Хочу заснуть у тебя на груди, король, как засыпала, когда ты был жив.

И Гельги отвечал ей на это:

– Теперь я уверен, что мне ни в чем не откажут, ни рано, ни поздно, в Сефафиёлле, после того, как ты, светлая дочь Хёгни, можешь здесь, в холме, живая, покоиться в объятиях мертвого. Но мне пора уже ехать по румяным путям (т. е. по

¹ Валгалла – северный рай, по понятиям Скандинавов; туда валькирии проводят души павших богатырей – и там они вечно пируют и охотятся, вместе с главным богом битв Одинем.

заре) и коню моему пора уже топтать их своими копытами: я должен проехать на Запад от небесного моста, прежде чем Сальгофнир² разбудит воинственную толпу моих сотоварищей.

Сказав это, Гельги со своими спутниками отправились своим путем, а женщины возвратились домой.

На другой вечер Сигруна заставила служанку сторожить у холма. Но когда на закате солнца Сигруна пришла к холму, служанка сказала ей:

– Если бы вздумал прийти сюда ещё раз Сигмундов сын, из среды витязей Одиновых, то давно бы уже был здесь... Мне сдается, что уже нет надежды на приход короля, потому что вон уже орлы расселись по ветвям дубов, и все спешат на покой. Не будь же столь безрассудна, дочь славного Хёгни, и не ходи одна к домам теней (т. е. к могильным холмам): ведь все мертвые витязи ночью опаснее, чем среди бела дня.

Недолго после того прожила Сигруна и скончалась от печали и сокрушений.

² Сальгофнир – мифический петух, поющий на заре на Вальгалле. Но его крику души богатырей пробуждаются от сна и принимаются за свое пиршество.

2. Сказание о Сигурде

Сигурд был братом Гельги. Родился он вскоре после того, как страшный Хундинг пошел войной на Сигмунда и вторгся в его владения.

В то время, когда велась ожесточенная борьба между Сигмундом и Хундингом, до рождения Сигурда оставалось ещё 2 или 3 месяца, и его матери немалых трудов стоило спастись от позорного плена, который угрожал и ей, и всей её семье. В то время, как воины Сигмунда уже осадили его в собственном ломе, Хьёрдис (так звали мать Сигурда), в самый разгар битвы, успела бежать из дому и, вместе с своею любимою служанкою, укрылась в ближайшем лесу.

Долго бродили несчастные женщины по лесу и вышли наконец на берег моря в то самое время, как на этот берег высадился далекий король Альфы, сын Хиальпрека. Он предложил свое покровительство бездомным скиталицам и увез их с собою в Данию. Там он относился к обеим женщинам почтительно и ласково и когда Хьёрдис родила Сигурда, он избрал её себе в жены и заменил Сигурду отца.

Мальчик стал быстро подрастать в доме доброго отчима и уже очень рано стал выказывать необычайную силу телесную: — никто из сверстников и думать не смел с ним бороться. Воспитанием Сигурда особенно охотно занимался Регин, сын Хрейдмара. карлик ростом, но при этом изуми-

тельно-искусный кузнец и опытный, хитрый волшебник. Он очень полюбил Сигурда, постоянно развлекал и потешал его своими рассказами, и научил его превосходно владеть и конем, и оружием.

По указаниям Регина, Сигурд, когда уже достиг цветущих лет юности, выбрал из табунов своего вотчима чудного коня, с которым потом не расставался во всю жизнь. Коня этого он назвал Грамом и на нем совершил все свои геройские подвиги. Конь этот был так ему предан, что, во время походов, как самый верный страж охранял, своего господина, когда тот, утомленный переездом, ложился на голой земле и предавался беззаботному сну.

Одною из первых дальних поездок на этом славном коне была поездка Сигурда к его дяде Грипиру, который славился на всем Севере своим необычайным даром угадывать и предсказывать будущее. Юноша обратился к дяде с просьбою: – открыть ему, что ждет его в грядущем?

Грипир долго не соглашался, но наконец предсказал Сигурду, что он победит сыновей Хундинга, убитого братом его Гельги, что, вслед за тем – убьет страшного змея Фафнира и овладеет его сокровищами, а затем будет вынужден убить и Регина....

– Как? Ретина, которого я так люблю!?

– Да, Ретина, – утвердительно ответил Грипир. – Затем ты пробудишь вещую деву Брингильду от её волшебного сна,

научишься от нея рунам³ и мудрости и вступишь с нею в союз...

Тут Грипир вдруг замолчал и не хотел предсказывать далее, отзываясь на просьбы Сигурда тем, что ему, будто бы, известна только ранняя молодость Сигурда.

Но Сигурд не отставал от него и продолжал упрашивать. Грипир склонился на его просьбы и продолжал так:

– Ты всем сердцем полюбишь Брингильду, а все же, отуманенный чарами, забудешь все данные ей клятвы и женишься на Гудруне, дочери Гьюки. Мало того, под влиянием тех же чар, ты обманом добудешь Брингильду для Гуннара. В отместку за это, обманутая тобою Брингильда побудит Гуннара и Хёгни тебя убить. Да! Ранняя смерть, но за то и громкая, громкая слава, предназначены судьбою в удел Сигурду!

Так закончил свои предсказания мудрый Грипир. Сигурд не смутился ими и с веселой улыбкой сказал вещему старцу:

– Благодарю тебя. Расстанемся друзьями! Я знаю, что никому не избежать судьбы своей. Ты исполнил мое желание, Грипир, и я знаю, что ты охотно предсказал бы мне более завидную долю если бы то было в твоей власти.

Вернувшись домой от Грипира, Сигурд никому не обмолвился ни единым словом о его предсказаниях, и по, прежнему был дружен и близок с Регином, который продолжал время от времени, потешать его своими дивными рассказами.

Однажды, в минуту откровенности, хитрый Регин расска-

³ Рунами назывались древние скандинавские письмена.

зал Сигурду и такую сказку, к которой тот поневоле стал жадно прислушиваться:

– Нас было трое сыновей у отца: – я, брат Отур и брат Фафнир. Мы все трое были одинаково смышлены и опыты в чарах. Недалеко от нашего дома был водопад карлика Андвари, в котором водилось множество рыбы. Сам карлик Андвари постоянно плавал в этом водопаде в виде громадной щуки и зорко сторожил свои сокровища, которых много было у него накоплено и зарыто под скалою. Брат мой Отур был дружен с тем карликом и любил плавать в его водопаде, принимая на себя образ выдры, причем тешился ловлею рыбы. Однажды, когда он, обернувшись выдрю, сидел на берегу и дскад пойманного им лоха, к водопаду Андвари подошли трое асов⁴ –

⁴ Под именем асов известны были все светлые божества скандинавской мифологии, в противоположность турсам, древнему и мрачному поколению великанов, с которыми асы находились в постоянной борьбе.

Злобный Локи – один из Скандинавских богов.

Один, Хёнир и Локи⁵, коварный и злой, и, как всегда, вооруженный своим дивным молотом, от ударов которого гром раскатывался по небу и молнии огненными змеями сыпались из облаков. Злой Локи, увидев выдру на берегу, ловко швырнул в нее камнем и убил её на месте. Асы обрадовались такой удаче и тотчас же содрали шкуру со своей добычи. В тот же вечер они зашли в дом к отцу нашему Хрейдмару и показали нам добытую ими шкуру выдры. Мы тотчас поняли, откуда она взялась, и объявили им, что налагаем на них пеню за убийство нашего брата. Пеня, наложенная нами, заключалась в том, что они должны были насыпать шкуру выдры до краев золотом, да золотом же прикрыть её и снаружи... Тогда асы после долгого совещания послали хитрого Локи – добывать золото во что бы то ни стало.

Локи отлично знал, куда ему за этим золотом обратиться... Он взял сети у богини Ран, супруги Эгира, бога моря, высмотрел карлика Андвари, который плавал в своем водопаде щукою, и так ловко окинул весь водопад тонкою сетью, что щука была мигом выловлена. Овладев карликом и грозя ему гибелью, Локи потребовал, чтобы он выдал ему всё золото из своего клада, и отнял у него даже то волшебное кольцо, которое карлику было дороже всего клада. Андвари вынужден был на всё согласиться, но, озлобленный этим на-

⁵ Эти три божества постоянно действуют заодно в скандинавской мифологии. Только из их взаимодействия создается все прекрасное, хотя ни одно из них в отдельности, не может ничего создать.

силием, он наложил на свой клад страшное заклятие: — «Никто не насладится этим золотом: два брата и восемь эделингов (благородных) должны будут из-за него погибнуть!»

Но асам не было дела до этого проклятия... Они наполнили золотом всю шкуру выдры, и им же засыпали её сверху. Отец наш Хрейдмар стал внимательно осматривать шкуру со всех сторон и указал асам ещё на один волосок, торчавший из-под золота: — он потребовал, чтобы и этот волосок был прикрыт... Тогда Один вынул из-за пазухи волшебное кольцо карлика Андвари и им прикрыл волосок.

Уплатив таким образом пенью, асы удалились из дома моего отца. Локи приостановился на пороге и сказал на прощанье Хрейдмару:

— Не жди добра ни от кольца, ни от клада! Твои сыновья поплатятся за обладание им!

Увы! Предсказание злого Локи сбылось прежде, нежели мы того могли ожидать! Когда асы удалились, мы с братом Фафниром стали требовать от отца, чтобы он отделил нам наши доли из пени, полученной за убитого брата; но отец отказал нам наотрез. Тогда брат Фафнир вступил с отцом в горячий спор и в раздражении нанес ему смертельный удар... Когда отец пал мертвый, Фафнир, в свою очередь завладел всем кладом и не уделил мне из него ни крупинцы. Я хотел настаивать, хотел требовать; но вспомнил о проклятии карлика, и сдержал себя... К тому же и сестры умоляли меня не враждовать с братом... Пришлось на всё махнуть рукою. А

Фафнир, чтобы лучше охранить клад, принял на себя образ страшного змея и залег на холмах Гнитахейда, где и устроил себе жилье».

* * *

Сигурд слушал Регина с большим любопытством и при этом припоминал предсказания вещего Грипира. Регин ничего об этих предсказаниях не знал, и, пылая затаенною злобою против Фафнира, старался много раз заговаривать с Сигурдом о сокровищах клада, говорил не раз, что их нетрудно добыть, что он знает очень легкий способ справиться с страшным Фафниром и что он не отказался бы помочь Сигурду, если бы тот задумал отнять клад у змея и поделиться с ним, Регином. Чтобы ещё более раззадорить Сигурда, Регин даже выковал ему в дар дивный меч Грам, которому не бывало подобных ни прежде, ни после.

Однако же Сигурд не склонялся на все его уговоры и не соблазнялся его обещаниями и посулами. Он отвечал Регину, что прежде всего считает своим долгом последовать примеру брата Гельги и поразить сыновей Хундинга, продолжая таким образом мстить за смерть своего отца, Сигмунда.

– Если я, прежде отмщения за отца, стану добывать клад от змея, то все скажут, что золото мне дороже, чем честь моего рода, – сказал Регину Сигурд.

И действительно, он пошел сначала походом против сы-

новой Хундинга, поразил их, опустошил их область и с торжеством вернулся домой.

Тогда настойчивый и мстительный Регин опять стал напевать ему ту же старую песню и вызывать его на борьбу с Фафниром. На этот раз Сигурд не устоял против его увещаний и согласился вместе с Регином отнять клад у змея Фафнира.

С этой целью Сигурд с Регином вдвоем пустился в путь к тем холмам, где змей Фафнир залегал на своем золоте, и, внимательно осмотрев всю окрестную местность, прежде всего обратили внимание на тропинку, которая была им предложена к воде. По совету Регина, Сигурд выкопал на этой тропинке яму, и в ней засел, держа наготове свой славный, неотразимый меч, Грам.

«Как только он поднимется со своего золота, – так научал Сигурда Регин – и станет переползать через яму на пути к воде, так ты и ухитрись всадить ему меч в самое сердце».

Преподав Сигурду это наставление, сам Регин поспешил укрыться подальше от всякой опасности; а Сигурд в точности последовал его совету... Фафнир, переползая через яму, накололся на меч Сигурда и получил смертельную рану. Издыхая от страшной раны, змей вступил в разговор с Сигурдом, упрекал его в том, что он, подстрекаемый Регином, решился на убийство, и затем добавил:

– Регин точно так же предаст тебя другому, как и меня предал тебе: верь мне, что нам обоим суждено быть добычею смерти...

Сказав эти слова, змей издох; тогда и коварный Регин тотчас же вышел из своей засады. Между ними вскоре завязался спор о том, кто из них обоих может назвать себя победителем? Сигурд приписывал эту честь себе и своему мужеству, и упрекал Регина в трусости; а Регин отвечал ему:

– Если бы я не выковал тебе твой дивный меч, да не научил тебя, как следует справиться с змеем, так ты бы не много сделал, при всей твоей храбрости! Ну, да что спорить? Я вот поотдохну немного, а ты, тем временем, вырежь сердце Фафнира, изжарь его на огне – и мы съедем его пополам.

Он и действительно прилег в стороне и вскоре заснул. А Сигурд стал жарить сердце Фафнира на огне... Несколько времени спустя он пожелал удостовериться – насколько оно изжарилось: коснулся его пальцем, обжегся, и сунул палец в рот... И едва только капля крови из Фафнирова сердца попала на язык Сигурду, как произошло нечто необычайное: он стал понимать то, что говорили около него птицы!

Прислушавшись внимательно к языку пернатых, он слышал, как орлицы, сидя на ветвях деревьев, беседовали между собою о коварстве Регина, о его злоумышлениях против Сигурда и об опасностях, каким Сигурд подвергнется, оставив его в живых.

– Убив Фафнира, – так говорила одна орлица – безрассудно было бы Сигурду щадить коварного Регина.

– О, конечно! – добавляла от себя другая орлица. – Он не должен забывать, что, покончив с Регином, он один будет

владеть всем кладом Фафнира.

Выслушав эти речи орлиц и припомнив предсказания вешего Грипира, Сигурд убил Регина и съел изжарившееся на огне сердце Фафнира. Тогда ему открылся широкий путь к жилищу змея – к тому месту, где он весь свой век залегал на горах золота и сокровищ; он направился туда по тропинке и увидел, что все железные двери змеева жилища отворены настежь и что все в нем сделано из железа: и столбы, и своды, и стены, а клад посредине жилья зарыт в землю. Сигурд отрыл этот клад, насыпал два ящика золотом до верха, и кроме того добыл в кладе драгоценное оружие и знаменитый шлем Эггир, который мог служить ему шапкою-невидимкою. Все эти богатства свез он в дом своего отчима, а сам поехал на юг, к франкской земле, искать новых опасностей и новых случаев для проявления своей силы и мужества.

Однажды, едучи по этому пути, он заметил в стороне от дороги яркий свет, и направил своего коня в ту сторону. Подъехав ближе, он увидел на высокой горе замок, а над ним развевающееся знамя; около стен этого замка горело яркое пламя, поднимаясь от земли и пылая до самого неба. Смело направляя коня к замку, он невредимо проехал через пламя, и въехал внутрь замка, где ему тотчас бросился в глаза воин, спавший непробудным сном, в полном вооружении. Сигурд подошел к спящему, снял с него богато-изукрашенный шлем – и вдруг чудные, густые волосы золотистой волной рассыпались по его плечам... Юный богатырь понял, что пе-

ред ним была воинственная дева, погруженная в волшебный сон, и что ему предназначено пробудить её от этого сна. Он попытался снять с неё броню, но увидел, что броня сидела на ней так плотно, как бы приросла к её телу... Тогда он решился рассечь эту броню своим мечем Грамом, и вещая дева разом проснулась от своего долгого и тяжкого сна... Открыв прекрасные очи, она спросила:

– Кто рассёк мою броню? Как я проснулась? Кто избавил меня от оков?

– Я, Сигурд, сын Сигмундов, рассёк твою броню моим мечем! – отвечал ей юный богатырь.

И тотчас же сел с ней рядом, и стал расспрашивать, и захотел узнать её имя.

– Когда я была валькирией, – отвечала вещая дева, – то звали меня Сигурдрифой; тогда на конях, темных, как ночь, и быстрых, как в ветер, я носилась по воздуху, в кольчужной броне, со щитом и копьём, над полями битв, ободряя храбрых витязей и вселяя в них мужество, пока смерть не смежит им очи, и затем провожала их души в место вечного успокоения героев. Но вскоре всё изменилось; Один на меня прогневался и наказал меня долгим сном за послушание его воле. Сверх того, он мне предсказал, что я уже никогда не буду более участвовать в битвах и провожать души храбрых в Валгаллу. Мне суждено выйти замуж за смертного, и отныне я буду «называться Брингильдой».

Валькирия Сигурдрифа над полем битвы.

Так говорила она, и, немного спустя вышла к Сигурду, в простой женской одежде, окруженная своими прислужницами, и подала ему полный рог старого меда, который они распили пополам, в знак дружбы и единения.

— О дева премудрая! — взмолился к ней Сигурд. — Тебе должно быть известно все то, что совершается в девяти мирах⁶. Научи же и меня твоей премудрости».

Так говорил он, припоминая предсказания дяди своего Грипира. И дева действительно исполнила его просьбу: сначала она научила его тем таинственным руническим знакам, которыми человек выражает свою мысль, затем рассказала всё, что сама знала об устройстве вселенной, и к этому учению добавила ряд нравственных правил, полезных для каждого витязя. В этих правилах она учила быть неизменно верным в дружбе, относиться почтительно к девушкам и к женщинам, не затевать ссоры на пирах и воздавать последний долг покойнику, где бы ни пришлось найти мертвое тело...

Когда Брингильда умолкла, Сигурд подал ей руку: они поклялись в вечной верности друг другу и на время расстались.

Вскоре после того случилось Сигурду завернуть по пути в дом Гюки. Принятый в доме радушно, он сначала побратался с двоими Гюкунгами, Гуннаром и Хёгни, а затем поддался вполне влиянию их матери, злой волшебницы, которая своими чарами заставила Сигурда забыть о Брингильде,

⁶ По понятиям скандинавов, различные существа, обитающие на земле, под землей и над землей, живут особыми мирами, и даже говорят на особых языках.

и женила его на своей дочери Гудруне, сестре Гуннара и Хёгни.

Сигурд в гостях у Брингильды.

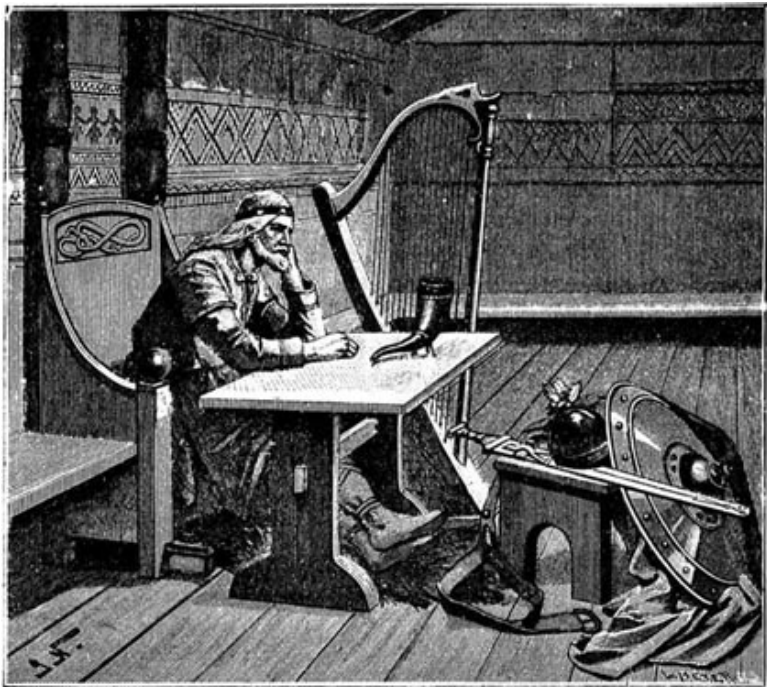
Гьёкунги не удовлетворялись этим: — они воспользовались добродушием Сигурда и упросили его ехать с ними и высватать Брингильду за Гуннара. И Сигурд поехал, проник в замок Брингильды сквозь окружавшее его пламя и обманом высватал её за Гуннара, приняв на себя его образ. Отуманенная чарами Брингильда полагала, что она отдает свою руку Сигурду, а между тем сочеталась браком с Гуннаром.

Когда, после свадьбы, обман обнаружился, Брингильда запылала страшным гневом против Сигурда. «Отмщу, отмщу ему во что бы то ни стало!» — это было отныне её единственным помыслом, и она стала постепенно готовить страшную месть...

Угрозами и мольбами ей удалось настолько восстановить Гуннара против Сигурда, что она уже решилась требовать умерщвления храброго витязя. Мнительный и слабохарактерный Гуннар долго не знал, на что ему решиться. Он боялся и жену прогневить, боялся и на своего названного брата поднять руку... Но в тоже время его очень соблазняла мысль о возможности завладеть Сигурдовым кладом... Долго совещался он с братом Хёгни, таким же нерешительным человеком, как и он сам. Наконец она решилась свалить это темное дело на руки своему родственнику — безрассудному Гутторму. Его подговорила она убить Сигурда во время сна, на его супружеском ложе... Гутторм прокрался в опочивальню

Сигурда и мечом пронзил сердце храброго витязя. Но смертельно раненный Сигурд ещё успел приподняться на постели и мощною рукою бросил свой меч вслед убежавшему убийце: меч поразил его на пороге и рассёк его тело пополам, так что одна часть упала вперед, а другая рухнула назад.

Гудруна, покоившаяся рядом с Сигурдом, пробудилась от шума и тяжкого падения меча и с ужасом увидела около себя окровавленного, умирающего Сигурда. Он очнулся на мгновение от воплей несчастной супруги, старался утешить её, позаботился о том, чтобы спасти своего сына от рук убийц, и указал Гудруне на Брингильду, как на главную виновницу несчастья. Вскоре после того, он испустил дух. Гудруна, в отчаянии ломала себе руки над хладеющим трупом мужа и так громко стонала, что кони отзывались на её стоны в стойле и гуси вторили ей криками во дворе...

Гуннар в тяжёлом раздумье.

Сначала Брингильда, узнав о смерти Сигурда, стала злобно радоваться; но радость её длилась недолго. Сокрушения Гудруны, осыпавшей Брингильду и братьев проклятиями, и мрачное настроение Гуннара, мучимого совестью – всё это подействовало удручающим образом на мстительную Брингильду.

Она не могла видеть равнодушно, как её супруг, мучи-

мый угрызениями совести, терзаемый раскаянием, по целым дням сидел в своей палате один, погруженный в скорбную думу, и тщетно пытался заглушить старым медом душевные муки, которые не давали ему ни сна, ни покоя. На нее напала жестокая тоска; она не находила себе покоя ни днем, ни ночью, горько упрекала она Гуннара в том, что он решил-ся взять её обманом себе в жены, и наконец объявила ему, что жизнь ей стала невыносима, и она решила-сь покончить с собою. Напрасно умолял её Гуннар отложить свое пагубное намерение; напрасно пытался и Хёгни отклонить её от мысли о самоубийстве... Брингильда настояла на своем: она торжественно облеклась в свой лучший воинский доспех и пронзила себя мечом.

Умирая, она просила братьев Гьёкунгов только об одной милости: чтобы они сожгли её останки на костре, рядом с останками Сигурда. При этом она подробно и спокойно распорядилась всеми мельчайшими подробностями погребения, указала, как и чем следует костер разукрасить – и все её распоряжения были приведены в исполнение в точности.

И в то время, когда смертные останки Брингильды на погребальной колеснице медленно подвигались к кострам, разложенным на берегу моря, Гудруна, неутешная вдова Сигурда, провожала их злобными взглядами и иступленными проклятиями и клялась отмстить за смерть супруга жестоко и беспощадно...

Тотчас после погребения Сигурда Гьёкунги овладели

всем кладом Фафнира, а затем поспешили примириться со своей сестрой Гудруной, которая дала им слово забыть все прошлое. И когда, несколько времени спустя, брат Брингильды, Атли, явился к Гьюкунгам и стал обвинять их в убийстве своей сестры, требуя удовлетворения за это. Гьюкунги поладили с ним на том, что отдали за него замуж свою сестру Гудруну.

Но Атли был завистлив: ему не давали ни сна, ни покоя богатства Гьюкунгов, которыми он решился овладеть во что бы то ни стало. С этою целью он задумал пригласить к себе Гьюкунгов в гости и изменнически их умертвить. Тщетно пыталась Гудруна предостеречь своих братьев и избавить их от угрожавшей им гибели; тщетно упрашивали их и жены – не ездить в гости к коварному Атли. Гьюкунги не верили ни дурным предзнаменованиям, ни даже вещему предсказанию орла и ворона, которые прокричали им с ветвей дуба:

– Атли омочит в крови вашей свои мечи... Он погубит братьев-клятвопреступников!

Слепо веруя в свою счастливую звезду, Гуннар и Хёгни поехали в гости к Атли с большою свитою своих приближенных и поплатились жестоко за свою неосмотрительность: они оба были умерщвлены...

Совершая это злодеяние, Атли однако же забыл, что на скандинавском Севере узы братства ценились выше всех других родственных уз, а потому и месть за брата была самым священным долгом сестер и братьев. Вот почему, когда

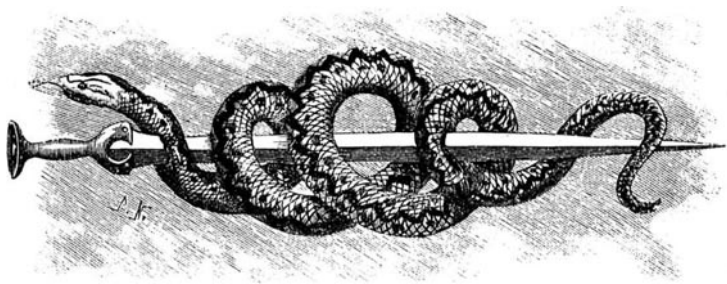
Гудруна отмстила своим братьям за убийство супруга, когда её чувство злобы было утолено, она выступила против Атли мстительницей за братьев Гьюкунгов. Месть её была жестока и беспощадна. Сначала она убила обоих сыновей Атли, потом умертвила его самого, а после того сожгла его замок, со всеми его слугами.

Песня «Эдды» ничего не сообщает нам о дальнейшей судьбе Гудруны. Мы не знаем, удовольствовалась ли она своим страшным мщением – и осталась ли горестною вдовою доживать свой век среди своих скорбных воспоминаний?

Но мы знаем, что молва народная овладела северным преданием о неустрашимом и могучем Сигурде, и распространила его далеко, далеко – по всем странам, куда шумные волны заносили скандинавские ладьи с неустрашимыми бойцами, всюду, где блистали скандинавские мечи, прорубая себе дорогу к славе и победе.

Имя Сигурда, передаваемое из уст в уста, от поколения к поколению, дошло и до нашего времени и в песне, и в сказке, и в легенде, записанной случайно монахом-летописцем.

И долго ещё будет оно жить в памяти народов – и долго ещё люди будут прислушиваться к рассказу о его похождениях и подвигах.

3. Песнь о Нибелунгах

Древние скандинавские сказания «Эдды» о Нифлунгах и их кладе, о Сигурде и его борьбе со змеем Фафниром, о Гудруне и воинственной деве Брингильде – не были исключительно северными, скандинавскими сказаниями: они принадлежали всему германскому племени, и, несколько веков спустя после того, как сложилась «Эдда», те же сказания послужили основой для новой, большой поэмы, на средне-немецком языке, под названием «песни о Нибелунгах» или ещё проще: «Гибели Нибелунгов».

Эта поэма, весьма обширная, пересказывает, в сущности, те же сказания, которые уже известны нам из песен древней «Эдды» о Нифлунгах; но пересказывает их по-своему, с новыми подробностями и добавлениями, вводит в них много новых действующих лиц, и при этом все действие переносит с дальнего Севера на почву Германии, во времена средневекового рыцарства, в период борьбы германского племени с различными пришлыми племенами, заявлявшими свои притязания на средне-европейские земли.

Все лица, участвующие в действии средне-немецкой поэмы, являются в ней не грозными скандинавскими викингами, неистовыми и необузданными в проявлениях своей громадной физической силы, а вежливыми и благовоспитанными рыцарями, которые соблюдают все обычаи, требуемые

общежитием, относятся с уважением к женщинам, и даже в битвах, даже в одиночных состязаниях с оружием в руках, действуют на основании твердо установившихся правил рыцарского этикета. В противоположность песням «Эдды», в которой перед нами ещё выступают боги – Один, Хёнир и Локи – и разные сказочные существа, в роде вещей Грипиров и хитрого карлика Андвари или кузнеца-волшебника Регина, в песне о Нибелунгах и их гибели действуют обыкновенные смертные, ничего общего не имеющее с языческим прошлым и языческими богами. Все они веруют в Бога и соблюдают церковные обряды.

Одна из двух женщин, выведенных в этой поэме, Брунгильда, и по имени своему напоминающая Брингильду скандинавской «Эдды», – уже несколько не походит на валькирию, окрыленную воинственную деву, призванную исполнять поручения бога Одина и помогать смертным в битвах. Брунгильда, в средне-немецкой поэме – просто девушка, одаренная дивною красотою и прославленная своим необычайным искусством в рыцарских воинских упражнениях; её физическая сила и умение действовать оружием настолько велики, что только один богатырь-Сигфрид может с нею справиться, да и тот одолевает её при помощи «шапки-невидимки», – и на этом простом преобладании его силы и умения над её силою и ловкостью основывается и завязка, и важнейшие действия поэмы.

«Песнь о Нибелунгах» сохранилась во множестве спис-

ков, которые заключают в себе более или менее полный текст поэмы, разделенной на несколько отдельных глав или песен. Это множество списков указывает на то, что поэма была долгое время любимым произведением среди того рыцарского кружка, в котором она возникла – её читали и переписывали, а певцы пели отдельные отрывки из неё на пирах и празднествах, на съездах и собраниях. Содержание песни о Нибелунгах, доступное и красиво изложенное в коротких, но звучных стихах, должно было всем нравиться; оно и до настоящего времени не утратило своей некоторой поэтической прелести и привлекательности, и в современной немецкой литературе и в современном немецком искусстве послужило основой целого ряда прекрасных, высокохудожественных произведений.

Отметим ещё одну любопытную черту в изложении средне-немецкой поэмы. В противоположность сказаниям «Эдды», которые не определяют места действия своих витязей или указывают на него очень туманно – песнь о Нибелунгах весьма подробно излагает, где именно происходит действие её отдельных глав и откуда являются её важнейшие герои. Так Сигфрид представляется в поэме сыном короля нидерландского; братья Кримгильды – короли Бургундии и прирейнских земель; ссора королей происходит в Вормсе; король Этцель, предлагающей руку овдовевшей Кримгильде, правит гуннами. Только относительно Брунгильды средне-немецкая поэма выражается неясно, указывая на какой-то

дальний остров на северном море, как на её родину.

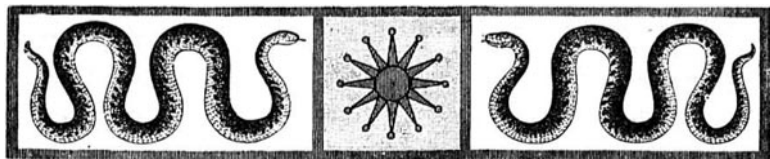

ПѢСНЬ

О

НИБЕЛУНГАХЪ

Песнь о Нибелунгах

Песнь о Нибелунгах начинается вещим сном Кримгильды, сестры Бургундских королей- Гунтера, Гизелера и Гернота.

Красавице-Кримгильде снится, будто два орла налетают на нее, в то время, когда она на охоте едет по полю со своим любимым соколом на рукавице. Сокол этот был вскормлен ею, ею приручен и приучен к охоте; она никогда с ним не расстаётся... А орлы налетали, сорвали его с её рукавицы, и на глазах её растерзали, разметав его перья. «Страшный сон! Горестный сон!.. Он не пророчит ей ничего доброго!»

И она, поднявшись с постели, спешит к своей матери и просит её пояснить значение загадочного сна.

Мать печально покачала головою и сказала дочери:

– Любимый сокол твой означает собою благородного рыцаря, которого ты полюбишь всем сердцем... И да хранит его Господь, так как тебе придется потерять его...

Мать толкует Кримгильде её сон.

Предсказания матери вскоре начинают отчасти сбываться. Является рыцарь, к которому Кримгильда должна впоследствии привязаться всем сердцем...

Слава об умной и прекрасной Кримгильде разносится вишь и вдаль по всем окрестным странам, и вот узнает об этой красавице удалой сын Сигмунда, короля нидерландского, прекрасный и мощный витязь, Сигфрид. Уже смолоду этот витязь прославился многими дивными подвигами, и теперь, задумав жениться, решил добыть себе в жены красавицу Кримгильду, сестру могущественных королей Бургундских. Напрасно отговаривают его родные и близкие, напрасно указывают ему на других невест-красавиц: Сигфрид, с небольшою избранною свитою, едет ко двору Бургундских королей.

— Кто эти рыцари, что въехали во двор нашего замка? — спрашивают друг друга короли-братья, Гунтер, Гизелер и Гернот, пристально вглядываясь в приезжих гостей из окна замковой залы.

Никто не может им на это дать ответа, потому что никто не видал ещё в Бургундии рыцарей в таких богатых блестящих доспехах, на таких чудных могучих конях. Тогда короли-братья решаются спросить о приезжих у сурового Хагена, одного из своих приближенных рыцарей; а этот рыцарь славится тем, что ему близко известны все соседние страны

и гербы всех знаменитых рыцарских родов.

Когда Хагену задан был на решение этот трудный вопрос, он долго и внимательно всматривался в приезжих витязей и наконец сказал:

– Это, должно быть, не кто иной, как доблестный Сигфрид Нидерландский – тот самый, что прославился битвою со змеем и с лукавым карликом Альберихом, старым кудесником... Бился он с ними за обладание богатейшим кладом и победой этой приобрел несметные богатства, да кстати и ещё одну диковинку – «шапку-невидимку», при помощи которой он всюду может проникнуть незримо. Одно могу вам посоветовать: примите храброго витязя как можно лучше, ибо он вполне достоин такого приема».

Братья короля последовали разумному совету Хагена, приняли Сигфрида с великим почетом и щедро угощали и его, и свиту. Но сколько они ни пытались добиться от него, что именно побудило его предпринять столь далекое путешествие, сдержанный Сигфрид ни единым словом не обмолвился о главной цели своего приезда к Бургундскому двору.

Приезд Сигфрида в замок Бургундских королей.

Впрочем, королям-братьям и не пришлось слишком долго беседовать с своим именитым гостем; – на Бургундию неожиданно надвинулась военная гроза. Король Саксонский внезапно объявил войну бургундским королям и вторгся с войском в их владения. Тогда короли-братья поспешно собрались на войну, и Сигфрид по доброй воле вызвался им помогать. Только заручившись помощью такого беззаветно-храброго витязя, короли-братья могли одержать победу над мужественными саксами, и вернулись домой с пленными и трофеями, отбитыми у неприятеля. За победою последовал целый ряд блестящих празднеств и шумных пиршеств при бургундском дворе, и вот на одном из этих празднеств удалось наконец Сигфриду увидеть красавицу Кримгильду.

Дивная красота Кримгильды поразила юного витязя – и Кримгильду также поразил мужественный вид молодого и прекрасного рыцаря, перед которым все остальные витязи казались ничтожными и незаметными. И вот между Сигфридом и Кримгильдой зародилось то чувство, которое должно было их привести под венец...

В то время, когда Сигфрид уже готовился свататься за Кримгильду и просить её руки – один из братьев-королей, Гунтер, прослышал, что где-то далеко на Севере живет царица, по имени Брунгильда, знаменитая своею красотою и недоступностью. Всякого витязя, дерзающего ей предложить

свою руку и сердце, эта царица подвергает трем испытаниям, и если он не выдержит хоть одного из них, то должен заплатить за это жизнью. Эти испытания состоят в обычных воинских упражнениях, которые известны каждому витязю; но дело в том, что царица в них так искусна и ловка, что лишь немногие рыцари могут с нею тягаться.

Прослышав об этой царице и о тех затруднениях, которыми был обставлен доступ к ней, Гунтер возгорелся желанием во что бы то ни стало добыть себе Брунгильду в жены и с этою целью решился пуститься в дальний путь к её царству.

Добродушный Сигфрид и тут вызвался помочь Гунтеру, который, конечно, был очень доволен возможностью заручиться таким мужественным и мощным спутником; при этом они даже вступили в такое соглашение: Гунтер дал слово Сигфриду, что если тот поможет ему жениться на Брунгильде, то в благодарность получит руку красавицы Кримгильды.

Сборы в путь были недолги. Гунтер великолепно снарядился с немногими избранными спутниками в дальнейшее странствие. Сели в ладью, богато изукрашенную, подняли парус и отплыли от берега среди всеобщих пожеланий.

Сам Сигфрид стал на руле и правил ладьею, которая поплыла сначала вниз по Рейну; а затем вышла в море, и бурные волны быстро помчали ладью бургундских витязей к скалистым берегам острова. Брунгильды.

Высадившись на острове, Гунтер выдал Сигфрида за сво-

его вассала, скрыв его имя и его именитое происхождение. И Сигфрид сам старался поддержать это показание Гунтера и всех ввел в заблуждение тем, что выказывал Гунтеру подобоострастное уважение, держал ему стремя, когда тот садился на коня, и одевался очень скромно, в простые одежды, как самый обыкновенный смертный.

Брунгильда приняла дальних заезжих гостей ласково и с большим почетом, и вскоре после того, узнав о цели их приезда, назначила Гунтеру время для предстоявших ему испытаний. Она и не подозревала, что ей при этом придется вступить в состязание не с Гунтером, а с первым в мире рыцарем и бойцом, Сигфридом Нидерландским.

А Сигфрид, между тем, успел подготовиться на помощь Гунтеру; он добыл из лады свою дивную шапку-невидимку, надел её, и, скрытый от глаз Брунгильды, стал усердно помогать Гунтеру во всех назначенных ему испытаниях: в стрельбе из лука, в метании копья и огромных камней, в умении владеть мечом и боевым топором. Оказалось, что во всех этих упражнениях воинственная дева Брунгильда была необычайно искусна, да и силу выказывала такую, что Гунтер, без помощи Сигфрида, никак бы не мог с нею справиться. Но благодаря скрытой помощи Сигфрида Гунтер вышел победителем из всех состязаний, и побежденная им Брунгильда согласилась выйти за него замуж.

Вскоре после того, Гунтер торжественно возвратился со своею невестою в Бургундию, а несколько дней спустя он ис-

полнил обещание, данное накануне отъезда Сигфриду: две свадьбы были отпразднованы в один день – Гунтер венчался в соборе с Брунгильдою, а Сигфрид с Кримгильдою. За свадебной церемонией последовал роскошный пир в замке братьев-королей, и за тем пиром конца не было радостным кликам и здравицам за молодых; но свадебный пир закончился далеко неодинаково для обоих витязей, повенчанных в тот день в соборе... Когда Гунтер остался наедине со своею супругою, и хотел её приласкать, она вдруг вздумала показать ему свое превосходство в силе и ловкости: схватила его за плечи, связала по рукам и ногам – и повесила на стену за пояс. Как он ни бился, как ни старался освободиться от уз, он ничего не мог сделать и должен был сознать свое ничтожество перед могучею девою, которая, наконец, над ним сжалась и сняла его со стены, но отвернулась от него с пренебрежением и не удостоила его даже взглядом. Бедный Гунтер всю ночь не смыкал глаз, мучимый оскорбленным самолюбием и сознанием своего бессилия.

На другой день, когда оба молодые супружества сошлись вместе за общую трапезою, Гунтер отвел своего друга Сигфрида в сторону и рассказал ему с грустью обо всем, что случилось. Добродушный Сигфрид от души пожалел друга, и тотчас же вызвался ему помочь, не предвидя того, что он тем самым должен будет погубить себя...

В тот же вечер, надев свою шапку-невидимку, он проскользнул незаметно в опочивальню Брунгильды вслед за

Гунтером, и когда Брунгильда хотела опять поглумиться над своим мужем, Сигфрид помог Гунтеру в борьбе с нею, одолел её и передал в руки друга, а сам, в знак победы над могучею воинственной девою, унес с собою её пояс. После того, пропировав ещё несколько дней при бургундском дворе, Сигфрид со своею молодою супругою и богатою свитою отправился в обратный путь в Нидерланды.

Затем минуло несколько лет, в течение которых Сигфрид мирно и счастливо жил со своею супругою и успел почти позабыть об услугах, оказанных им Гунтеру. Но гордая и заносчивая Брунгильда, которая почитала Сигфрида вассалом своего мужа Гунтера, несколько раз справлялась у него, почему Сигфрид не является к нему на поклон, как другие, а живет в своей земле, как полновластный владыка её, и не присылает Гунтеру ни даров, ни дани? Гунтер каждый раз отвечал жене уклончиво, опасаясь того, что она может угадать его настоящие отношения к Сигфриду и, конечно, не смея пояснить, что он сам гораздо более обязан оказывать почтения Сигфриду, чем Сигфрид – ему. Но Брунгильда не давала ему покоя, продолжая его упрекать в слабости и слишком снисходительном отношении к вассалам, и вот, наконец, Гунтер решился пригласить Сигфрида к себе в гости, не сказав о том ни слова жене своей, которая должна была подумать, что Сигфрид, по собственному побуждению, явился отдать долг почтения своему господину, королю Бургундскому.

По этому поводу отправлены были нарочные гонцы в Нидерланды и вернулись оттуда с известием, что Сигфрид с супругою и приближенными своими вскоре явится ко двору бургундских королей-братьев.

И действительно, вскоре после того, Сигфрид с женою и отцом Сигмундом, окруженный многочисленною и богатою свитою, явился в Вормс, откликаясь на дружеское и родственное приглашение братьев-королей.

Но радость свидания вскоре была омрачена теми перекорами и даже ссорами, которые, с первых же дней, начались между обеими красавицами-королевами. Гордая Брунгильда, принимая Сигфрида за вассала, обязанного почтением и повиновением воле её мужа, требовала и от Кримгильды приниженного и подобоострастного отношения к себе. Кримгильда же, напротив того, проникнута была восторженным почтением к своему супругу и ставила его выше всех витязей на свете. По её мнению, с Сигфридом никто не дерзал думать равняться, и потому, когда Брунгильда заговаривала о достоинствах и деяниях своего супруга, короля Гунтера, Кримгильда резко возражала ей, что эти достоинства ничтожны по сравнению с доблестями Сигфрида. Этот спор породил в Брунгильде желание проучить Кримгильду при всех и доказать ей вполне очевидно, что её муж не более как вассал и подчиненный короля Гунтера. Для этой цели она решилась воспользоваться первым удобным случаем, который и представился ей, когда в ближайший воскресный день обе

королевы – Брунгильда и Кримгильда, со своими свитами, – сошлись у входа в собор.

Брунгильда, даже не удостоив Кримгильду вниманием или поклоном, хотела прежде её войти в собор. Но Кримгильда загородила ей дорогу и сказала во всеуслышание:

– Ты не смеешь войти в собор прежде меня, потому что мой муж знаменитее твоего мужа и более его славен силою и мужеством своим. Если бы мой муж не помог твоему мужу в борьбе и состязаях с тобою, то Гунтеру никогда не удалось бы одолеть тебя... Вот взгляни, в знак победы над тобою, мой Сигфрид снял с тебя тот пояс, которым я теперь опоясана.

Сигфрид клятвою опровергает показания Кримгильды.

Брунгильда бросила быстрый взгляд на пояс Кримгильды, и узнала в нем тот самый, который, действительно, пропал у неё в свадебную ночь... Злоба, стыд и жажда мести разом овладели её гордым сердцем. Она изменилась в лице, и не знала, что сказать, что ответить... А Кримгильда, между тем, быстро прошла мимо неё в собор со всею своею свитою.

Слух об обиде, нанесенной Кримгильдою Брунгильде, быстро распространился по всему городу Вормсу и вызвал самые разнообразные и шумные толки. Брунгильда стала жаловаться мужу и требовала удовлетворения за оскорбление, нанесенное ей. Сверх того, она потребовала у мужа объяснения: каким образом её пояс мог попасть в руки Кримгильды? Гунтер при этом вопросе так смутился, что даже и не знал, что ответить на вопрос жены. Кое-как отделавшись от жены, он, ради своего оправдания, решился на отчаянное средство: — он откровенно рассказал Сигфриду о ссоре их жен, и умолял как-нибудь уладить дело...

Тогда добродушный и благородный Сигфрид, чтобы выручить своего друга-шурина из беды, заявил во всеуслышание, что его жена, Кримгильда, оклеветала Брунгильду без всякого основания и на Гунтера, брата своего, тоже взвела напраслину...

Таким образом, мир был внешним образом восстановлен, и всякие несогласия должны были бы этим закончиться. Но

Брунгильда не умела прощать: в её душе затаилась страшная ненависть к Сигфриду и всему его роду. К тому же и Гунтер стал опасаться Сигфрида, который всегда мог выдать его тайну; а при этих опасениях Брунгильде нетрудно было возбудить и поддержать в Гунтере озлобление против благородного Сигфрида; к Брунгильде и Гунтеру, уже озлобленным против Сигфрида, присоединился вскоре ещё и Хаген, — приближенный вассал и правая рука Бургундских королей. Этот свирепый, неукротимый воин, которому милее всего на свете была честь его господина, не мог простить оскорбления, нанесенного Кримгильдою Брунгильде, ни примириться с мыслью, что Сигфрид был богаче, сильнее и мужественнее короля Гунтера. Он полагал, что, по смерти Сигфрида, не останется никого, кто бы мог защитить и оградить богатства Сигфрида от притязаний со стороны родных его жены. Притом и в личных сношениях с Брунгильдой, Хаген успел набраться такой злобы и ненависти против Сигфрида что он вскоре и Гунтера стал убеждать в необходимости убить Сигфрида.

— Но как ты его убьешь?! — сказал однажды Гунтер Хагену. — Не говоря уже о том, что справиться с таким богатырем нам и обоим будет не под силу; но разве же ты не знаешь, какая на нем кожа?

— Какая кожа? — с удивлением переспросил Хаген.

— Его кожа неуязвима для оружия... Она, как рог дикого тура! И на теле его есть только одно место, в которое он мо-

жет быть ранен... Но никто не знает, где это место.

– Но почему же он покрыть такую кожей? Откуда у него взялась такая дивная природная броня? – спросил изумленный и раздосадованный этим обстоятельством Хаген.

– «В то время, как он убил змея Фафнира, он догадался искупаться в его крови, и эта-то кровь придала такую непроницаемость его коже... Только в одном месте листок, упавший с дерева, прильнул к его телу, и только в этом месте кровь змея его не омочила.

– Так надо бы у него самого или у близких его, хоть какнибудь, похитрее и поискуснее разузнать, – где именно это место? – сказал королю Хаген.

– Подумаем... Посмотрим – попытаем! – отвечал ему Гунтер.

И точно: – придумал лукавую и хитрую затею! Прежде всего он распустил при дворе своем слух, будто один из соседних королей идет на него войною, и обратился к Сигфриду с просьбою помочь ему в войне; и тот, конечно, на это согласился. Кримгильда, нежно любившая Сигфрида, сильно встревожилась, узнав об этой предстоящей войне, тем более, что её около этого времени мучили какие-то странные, мрачные предчувствия. Воспользовавшись этим настроением сестры, Гунтер стал к ней очень нежен, лукаво выхвалял перед нею Сигфрида, называя его своим лучшим закадычным другом, и в то же время выпрашивал у Кримгильды, где находится на теле Сигфрида место, уязвимое для оружия?

– Ты знаешь, как я люблю его, как он мне дорог!.. Так вот и пойми, что я хотел бы знать это место лишь для того, чтобы защищать его от опасных ударов... И если бы я знал, я сумел бы укрыть это место моим щитом!»

Кримгильда же в простоте душевной отвечала ему:

– Это место у мужа моего на спине, между лопатками, так как листок с дерева, под которым он купался в крови Фафнира, упал на это место и крепко-крепко к нему прильнул...

– Так надо бы его хоть чемнибудь обозначить на одежде – чтобы я мог его наглядно знать и постоянно иметь в виду, – продолжал настаивать лукавый Гунтер.

– О! я это сделаю... Я обозначу тебе это место, любезный брат мой! Я нашью шелком кружок на одежде Сигфрида как раз над тем местом, где прильнул листок... И молю тебя – защити, защити его от ударов.

На другой день Гунтер подговорил Сигфрида ехать с ним и со всеми придворными на охоту. Сигфрид, страстно любивший охоту, тотчас согласился на предложение своего шурина, не предполагая даже того коварного умысла, который крылся в этом предложении. И тщетно старалась его отклонить от этой поездки Кримгильда, которая в последнее время постоянно терзалась самыми мрачными, самыми тягостными предчувствиями...

– Не едь ты на эту охоту, – говорила она со слезами своему дорогому мужу. – Мне так и кажется, что с тобою должно случиться что-то недоброе... Послушай, какие страшные сны мне снятся! То я вижу в прошлую ночь, что на тебя упали две горы, и скрыли милаго от моих глаз... То вдруг представилось мне, что за тобою по пятам гонятся два вепря, что они терзают тебя, и кругом вся трава обагрена твоею кровью...

О, не ездí сегодня на охоту – останься со мною!

Но добродушный и благородный Сигфрид постарался успокоить свою жену... Совесть его была чиста и свободна от всяких укоров; а потому он и в сердце окружавших его людей не способен был он видеть их черные замыслы. Ласково уговаривал он Кримгильду не тревожиться, обещал вернуться с охоты пораньше; а затем надел свое легкое охотничье платье, привесил меч к поясу, взял копье и щит в руки, простился с женою – и направился с Гунтером и Хагеном на охоту в дремучий Отенсуй лес. Большая свита бургундских королей, псари и загонщики, и стая гончих и других собак, а также и обоз с запасами, все это двинулось вслед за королями и их мрачным спутником, Хагеном.

Охота оказалась очень удачною. Зверь так и шел на ловца, и много всякой лесной дичи и зверя досталось в тот день в добычу. Смелый и ловкий на охоте, Сигфрид всех удивлял проявлениями своей силы и умения. Начатая на рассвете охота затянулась почти до полудня, и когда солнце стало к нему близиться, Сигфрид почувствовал непреодолимый голод и потребность в отдыхе, и направился к тому сборному месту, к которому давно уже сзывали охотников громкие звуки рогов...

А между тем Гунтер с Хагеном, тщательно обдумав свой черный умысел, все предусмотрели и приготовили так, чтобы он мог закончиться удачно. В этих видах они распорядились устроить сборное место и раскинуть шатры для отды-

ха охотников в местности безводной – далеко от ключа. При этом повару дан был приказ – как можно более пересолить век кушанья, предназначенные для королевского стола, а напитков никаких на стол не подавать... Расчет их был верен: жажда должна была вынудить Сигфрида к отысканию студеного ключа – он должен был туда направиться, а за ним следом пошли бы туда и убийцы его, которые не дерзали совершить свое богомерзкое дело на глазах у всей своей свиты...

Все случилось, как по писанному. Сигфрид явился на сборное место голодный, жадно принялся за предложенные ему кушанья, ел много и с удовольствием, и, почувствовав сильную жажду, захотел утолить её вином. Тогда Гунтер с некоторым смущением стал перед ним извиняться в том, что его люди, по непростительной оплошности, не захватили с собою никакого вина на охоту...

– На нынешний день, – добавил король Гунтер, – нам придется довольствоваться водою из лесного ключа.

– Кстати, я знаю на некотором расстоянии отсюда светлый и прекрасный ключ в лесной глуши, – сказал Хаген. – Там хватит воды на всех нас – и притом ещё чудной, студенной... Предлагаю благородному Сигфриду бежать отсюда к тому ключу взапуски со мною! Кто обгонит, тот первый напьется из ключа и выиграет заклад...

– Я бегаю настолько быстро, – сказал Сигфрид, – что мне немного найдется соперников в беге... И я не хочу выигрывать от тебя заклад без всякого труда!

– О, нет! Ты ошибаешься: – в беге я могу с тобою смело тягаться! – настаивал Хаген.

– Пожалуй, уж если ты так думаешь, я готов бежать с тобою взапуски, – сказал Сигфрид – однако же с тем, что ты побежишь налегке, без всякого оружия, а я с мечом на бедре и с копьем и со щитом в руке.

Поспорили, согласились и побились об заклад. Когда же бег начался, то все действительно увидели, что Сигфрид был прав: он далеко оставил за собою Хагена и мчался к ключу с быстротою оленя.

Добежав первый до ключа, Сигфрид отстегнул меч от пояса, отбросил в сторону копье и щит, и, расположившись на траве, жадно припал разгоряченными устами к струе холодной оживляющей влаги. Хаген, прибежав к ключу вслед за Сигфридом, тотчас решился воспользоваться удобной минутой для выполнения своего черного замысла... Осторожно подкравшись, он поднял страшный Сигфридов меч с травы и отнес его далеко в сторону; потом схватил его острое копье, и, высмотрев внимательно кружок нашитый шелками на его платье, вдруг изо всей силы ударил копьем в этот кружок и проколол насквозь грудь Сигфрида, так что копье проникло до самого сердца.

Сигфрид сразу почувствовал, что рана была смертельна; собравшись с последними силами, он вскочил ещё на ноги, как разъяренный лев, и увидел Хагена, который убегал от него, как заяц... Он хотел было устремиться вслед за ним,

с оружием в руках — искал оружие... Но оружия не было под руками. Тогда он схватил лежавший на траве щит свой и мощною рукою метнул его вослед убийце. Щит со свистом рассёк воздух и, если б Хаген не успел отскочить в сторону, то был бы убит наповал... Но это последнее усилие окончательно сломило Сигфрида, и он пал на траву, истекая кровью.

Когда страшная весть об убийстве Сигфрида распространилась между бывшими на охоте, все поспешили к ключу, у которого знаменитый витязь лежал, готовый встретить смерть без робости и уныния. Последние минуты его были торжественны. Увидев в окружавшей его толпе и Гунтера, и Хагена — своих коварных убийц, не постыдившихся прийти вместе с другими к ключу, Сигфрид, обращаясь к ним, сказал с укоризною:

— Верьте мне, вы на себя самих наложили руки!

Когда же он закрыл очи навеки, Гунтер и Хаген приказали охотникам взвалить его тело на телегу и отвезти в Вормс; и там они имели жестокость покинуть тело Сигфрида на пороге опочивальни его дорогой и любимой супруги, Кримгильды...

Можно себе представить отчаянье Кримгильды, горе старого Сигмунда и ужас, овладевший всеми нидерландцами, когда на другой день разнеслась по Вормсу весть о страшном злодеянии, которое нарушало все права гостеприимства, и порывало все дружеские и родственные связи между двумя

королевскими домами. Все нидерландцы вооружились и собрались воедино около своего старого короля; грозно и злобно смотрели они на бургундцев, но численность их была до такой степени незначительна, что они не посмели и думать о мщении за своего господина.

Хаген предательски убивает Сигфрида.

Похороны храбрейшего из храбрых были очень трогательными, и картина их, в «Песне о Нибелунгах», принадлежит к лучшим страницам этой замечательной немецкой поэмы:

«Отслужив в соборе, понесли тело Сигфрида к могиле – и весь народ кругом сокрушался и плакал, жалея о почившем. Прежде, чем гроб опустили в могилу, над ним ещё долго читали и пели духовные, которых множество собралось отовсюду на похороны Сигфрида. Несчастливая Кримгильда так убивалась у тела его, что её много раз должны были отливать водою: – безмерна была её печаль, и нельзя не дивиться тому, что она перенесла её и осталась в живых... Воплям Кримгильды вторили многие женщины. Когда, наконец, уже следовало опустить гроб в могилу, королева сказала:

– Дайте мне ещё раз его обнять, ещё раз взглянуть ему в лицо!

И она просила так упорно, так настойчиво, что ей не могли отказать, и взломали для неё богатый гроб Сигфрида. Тогда она приподняла его прекрасную голову и принесла последнее лобзание благородному рыцарю... И из светлых её очей закапали кровавые слезы! Она не могла более устоять на ногах, и без чувств упала на руки окружавших её женщин».

По окончании всех печальных церемоний, Кримгильда впала в то тяжелое оупение, которое следует за каждым ис-

тинным горем. Она не вникала ни во что, кругом её происходившее, и ко всему относилась безучастно. В Нидерланды она не захотела уехать, не пожелала покинуть Вормс, где погребен был её милый, дорогой, незабвенный Сигфрид; а когда её мать, Ута, основала близ Вормса монастырь и в нем заняла одну из келий – к ней переселилась на житье и Кримгильда, и велела туда перенести останки Сигфрида.

Между тем, безсовестные Сигфридовы убийцы, Гунтер и Хаген, пользуясь угнетенным и нравственно-подавленным состоянием несчастной женщины, потребовали у неё ключей от Сигфридовой казны – и она беспрекословно отдала им эти ключи. Тогда они завладели всем кладом Нибелунгов, оставив Кримгильде лишь самую ничтожную часть сокровищ, составлявших этот древний и богатейший клад. Мало того, желая обеспечить себя и на будущее время от всяких притязаний со стороны Кримгильды, они предложили ей с ними помириться... Она и на это изъявила согласие; но в сердце затаилось у неё иное чувство!... -

Прошло некоторое время. Кримгильда немного очнулась от своего тяжелого отупения, и, мало-помалу, стала сознавать всю громадность злодеяния, совершенного Гунтером и Хагеном, всю горечь своего одиночества и беспомощности. Затаив в груди своей неистощимую и непримиримую злобу против злодеев, она стала с наслаждением думать о мести, стала искать кругом себя твердой руки, на которую ей можно было бы опереться. Вскоре она нашла себе эту опору...

Кримгильда думала недолго; – она сообразила, что при помощи своего будущего могущественного супруга она в состоянии будет страшно отомстить своим братьям и Хагену – и приняла предложение короля гуннов Этцеля. Братья очень обрадовались такому решению Кримгильды, вовсе не вникая в те внутренние побуждения, которые вынудили её согласиться на второй брак; один только Хаген понял душевное настроение Кримгильды и не советовал Гунтеру отдавать её замуж за Этцеля. Но его не послушали и на советы его не обратили внимания.

И вот, простившись с родными, получив богатые дары, но не получив обратно клада Нибелунгов, Кримгильда через многие страны и множество городов, пустилась в путь к пределам земли могущественного Этцеля, лежавшей далеко за Дунаем. На всем протяжении этого далекого пути её всюду встречали с почетом и принимали с полным радушием. В поэме особенно яркими красками описан прием, оказанный Кримгильде её дядею, епископом Пассауским, и маркграфом Рюдигером.

И так семь лет сряду Кримгильда, будучи замужем, тщательно таила от всех и даже от своего мужа свою непримиримую ненависть к братьям. Только тогда, когда она уже твердо была уверена в возможности отомстить, и отомстить жестоко – она стала упрашивать Этцеля, чтобы он пригласил к себе бургундских королей в гости.

– Я ведь уж так давно не видала своих братьев, что даже

соскучилась, – притворно уверяла она Этцеля.

Этцель не мог отказать любимой жене в её просьбе и отправил послов с поклонами и приглашениями в Вормс, к королям-братьям. Кримгильда же со своей стороны призвала к себе послов перед отъездом и наказывала им, чтобы братья её непременно взяли себе в проводники опытного витязя Хагена: – тому, по её словам, было отлично известны все окрестные страны и все соседние народы.

Это приглашение приехать в гости в далекую страну гуннов было сразу же понято так, как и следовало его понять. Мучимый укорами совести, Гунтер совершенно ясно представлял себе, что его сестра не могла, конечно, простить ему его злодеяние и потому предположил, что она готовит ему месть. Хаген же твердо был уверен в том, что всем им готовится западня и гибель, и потому отговаривал братьев-королей от этой дальней поездки. Но отговорить Гунтера оказалось невозможно: на все доводы Хагена он отвечал одно:

– Чему быть, того не миновать! Будем смело глядеть в лицо смерти: – ведь от своей судьбы не уйдешь!

Видя такую решимость короля, Хаген сказал, что и он с ним вместе готов ехать, но при этом добавил:

– Если уж нам действительно придётся погибнуть, то всё же примем меры к тому, чтобы продать жизнь свою как можно дороже!

Напрасно отговаривала королей и их мать, Ута: они решились ехать и быстро собрались в путь.

С небольшим, но избранным войском Гунтер с братьями и Хагеном выехали из Вормса. И почти все эти храбрые витязи были уверены в том, что им уже не суждено вернуться домой из дальнего похода. Но это нисколько их не смущало, и они бодро подвигались вперед по своему пути, и, пройдя уже большую половину его, подошли к берегам Дуная. Надо было через эту широкую реку переправиться, а между тем нигде не видно было перевозчика; тогда Хаген вызвался его отыскать и пошел по берегу реки, внимательно его осматривая. И вдруг, в одной из укромных заводей, за густыми порослями камышей, услышал плеск волн, веселый смех и говор. Осторожно подкравшись, Хаген из-за кустов увидел, что в Дунае купаются вешние морские девы и беспечно между собою переговариваются, побросав свои лебединые сорочки на берегу. А Хаген знал, что, если он захватит эти лебединые сорочки и морские девы это заметят – они готовы будут на всякую услугу ему, лишь бы выручить свои сорочки... Так он и поступил: выскочил из-за кустов, схватил их сорочки в охапку и сделал вид, будто собирается их унести.

Морские девы взмолились к нему тотчас же:

– Не уноси, не уноси! Мы все исполним, чего ты потребуешь!

– Так вот же: если хотите выручить от меня ваши сорочки, то откройте мне, что ждет меня и моих спутников в близком будущем? Да смотрите: предсказывайте так, чтобы я был доволен вашим предсказанием!

И лукавые девы, действительно, чтобы угодить Хагену, предсказали ему благополучный исход предпринятого бургундцами похода.

Но едва только успел Хаген возратить им лебединые сорочки, как они тотчас бросились врассыпную, и одна из них, удаляясь, прокричала Хагену:

— Мы обманули тебя: предсказали не то, что с вами должно случиться!.. Гибель грозит вам всем до единого! Один только из вас спасется — тот капеллан, что с вами едет в дальний путь...

И морская дева исчезла вместе со век ми своими подругами, к великой досаде Хагена, раздраженного обманом, который был почти вынужден... Взволнованный этой встречей с морскими девами, Хаген однако же продолжал свои поиски и, наконец, успел-таки привлечь с той стороны Дуная какого-то перевозчика, насулив ему всевозможные награды, если он переправит его с товарищами за реку. При этом он назвался чужим именем. Но перевозчик, много выдавший людей на своем веку, сразу понял, с кем он имеет дело, и, в то время, когда Хаген готов был уже вступить в его судно, он вдруг отказался его переправить за Дунай. Хаген вскочил на борт его ладьи, а дюжий перевозчик, рассчитывая на свою силу, задумал его тотчас же столкнуть в воду... С веслом в руках, он устремился на Хагена. Завязалась борьба отчаянная, но длилась недолго: Хаген нанес перевозчику смертельный удар, выбросил его в воду, и, овладев его судном, сам

переправил всех бургундцев на ту сторону Дуная. При этом ещё раз Хагену пришлось в голову испытать судьбу...

Во время одного из переездов через широкий Дунай, на середине реки и на самой её быстрине, Хаген вдруг схватить капеллана, и, несмотря на его вопли, мольбы и сопротивление, бросил несчастного в воду. Капеллан, после долгой и трудной борьбы с волнами, все же кое-как успел достигнуть жланного берега и кое-как на него выкарабкаться...

— О, теперь я верю в то, что нам всем суждено погибнуть! — воскликнул Хаген и тотчас же рассказал своим спутникам о зловещем предсказании морской девы.

Затем, совершив последний переезд, Хаген мощным ударом ноги оттолкнул от берега судно, на котором переправлялись бургундцы, и долго смотрел, как волны реки уносили его вдаль...

Вскоре после переправы бургундцам пришлось выдержать нападение братьев-баронов, Эльзы и Гельфрата. Те ожидали их с войском на пути, так как до них дошел уже слух об убиении их вассала-перевозчика. Произошла кровавая схватка, во время которой грозный Гельфрат все рвался вперед, ободряя своих воинов лпчным мужеством и восклицал:

— Вперед, вперед! Не щадите этих Нибелунгов! (Так стали все называть братьев-королей и самого Хагена с тех пор, как они умертвили Сигфрида и завладели принадлежавшим ему кладом Нибелунгов).

Но грозный Гельфрат сам пал от руки Хагена, и все войско баронов было рассеяно дружным натиском бургундцев.

Дальнейшее странствие их, однако же, совершалось беспрепятственно и, по-видимому, было обставлено такими благоприятными условиями, которые способны были рассеять всякие мрачные мысли о будущем... Так, в Нассау, братья-короли были чрезвычайно радушно приняты своим родственником, епископом Пассаусским, который угощал их и чувствовал не менее, нежели сестру их Кримгильду, когда она проезжала в землю гуннов. Еще приветливее и ласковее были они приняты маркграфом Рюдигером, который устроил целый ряд пиршеств и празднеств, по поводу прибытия королев-братьев, и празднества эти заключились тем, что юный Гизелер был обручен с дочерью маркграфа Рюдигера. Когда же бургундцы изготовились в путь и собирались уже покинуть гостеприимный кров маркграфа, приотившего их на несколько дней, — он всем им поднес подарки на память.

Немного спустя, Нибелунги прибыли ко двору Этцеля. Их встретил знаменитый богатырь Дитрих Бернский с товарищами и предупреждал их об угрожающей им опасности и гибели, которая им готовится.

— Берегитесь! — говорил он братьям-королям. — Вы сюда приехали не на радость. И хотя сам могучий владыка гуннов ничего дурного не замышляет, но зато его супруга таит в груди своей непримиримую злобу против вас.

Но Кримгильда, — как бы в явное опровержение этих

предостережений дружественного Нибелунгам богатыря, – приняла братьев-королей дружелюбно и с подобающим почетом. Этот прием, однако же, не мог скрыть от Нибелунгов той ненависти, которою дышало каждое слово Кримгильды, и они заметили, что она уже с первого дня их пребывания при дворе Этцеля, начала строить козни против них, – особенно против Хагена. Но Хаген говорил им прямо:

– Я знаю, что мне не избежать судьбы моей – а потому и презираю всякие предосторожности.

И, как бы в подтверждение этих слов, он, действительно, смело идет навстречу своей судьбе, выказывая явное пренебрежение и ко всем придворным обычаям гуннов, и ко всем козням и замыслам Кримгильды.

Начинается с того, что она подговаривает 400 преданных ей гуннов убить Хагена. Гунны приступают к нему в то время, когда он, с певцом Фолькером, сидит на страже, в сенях замка, и громко, не стесняясь приближением Кримгильды, рассказывает о том, как он убил Сигфрида. Гунны приближаются к нему, готовые на него устремиться, но пугаются его грозных и пламенных взглядов и не дерзают подступить к нему.

Хаген и Фолькер на страже.

Но это неудавшееся покушение на жизнь Хагена ещё не нарушает общего спокойствия: бургундцы весь день беззаботно пируют во дворце Этцеля. Первый день пребывания Нибелунгов при дворе короля гуннов проходит без кровопролития. Ночью однако же Кримгильда вновь подсылает к зале, где ночуют бургундцы, новых убийц с приказанием тайно умертвить Хагена... Но и на этот раз её замысел оканчивается неудачей: Хаген и Фолькер не спят, а стоят на страже у входа в зал, и гунны, подосланные Кримгильдой, опять-таки не решаются даже и приблизиться к обоим богатырям.

Видя всё это, Хаген на другое утро убеждает королей не снимать с себя оружия... В боевых доспехах короли-братья со свитой отправляются в церковь, и после службы между их служилыми людьми и гуннами завязалось было ссора, которая не обошлась без кровопролития. Но сам Этцель принял меры к тому, чтобы восстановить спокойствие между враждующими сторонами, и как-нибудь замять неприятное столкновение, поспешив пригласить Бургундских королей со свитою к себе на пир.

Но Кримгильда не оставляет своих замыслов: она подстрекает брата своего мужа, чтобы он во время пира перебил всю прислугу бургундских рыцарей. Брат Этцеля с 9000 гуннов отправляется, чтобы исполнить её поручение, в ту часть города, где разместились бургундцы. Он нападает на

них, начинает их избивать, и сам убит один из первых, на стороне гуннов; озлобленные этим гунны с яростью нападают на бургундцев, одолевают их своею численностью и они гибнут все, кроме одного... Брат Хагена, Данкварт, успевает пробиться сквозь ряды гуннов; весь в крови, он прибегает в залу пиршества и приносит братьям-королям весть о том, что вся их прислуга предательски перебита. Тогда уже бешенство Хагена не знает границ! Он выхватывает меч, взывает к братьям-королям о мщении и начинает рубить гуннов направо и налево... Фолькер, певец-воин, следует его примеру. Благородному Дитриху Бернскому с большим трудом удастся уговорить Гунтера, чтобы он дозволил выйти из залы Кримгильде, Этцелю и всем спутникам Дитриха. Между тем все бургундцы следуют примеру Гунтера и Фолькера и с неистовым криком: «Смерть гуннам!» – набрасываются на своих недавних собеседников. Кровь льется рекою; гунны гибнут сотнями под мечами своих грозных противников, которые тащат трупы убитых из залы и сбрасывают их с лестницы, чтобы очистить себе место в зале. При виде этого зрелища, ужас нападает на Гуннов, толпами окружающих залу пиршества – и никто из них не решается подать помощь своим избиваемым собратьям: – тщетно пытается Кримгильда возбудить в них мужество, тщетно предлагает она и золота, и земли, и замки тому, кто принесет ей голову Хагена... Никто не трогается с места и не дерзает вступить в неравный бой с свирепыми бургундцами, руки и мечи которых обагрены

ещё неостывшею гуннской кровью.

Наконец, Иринг, маркграф датсуй, вступает со своею воинскою дружиною в залу и завязывает битву с Нибелунгами. Первый натиск его удачен – бургундцы поколебались; но Иринг, ободренный успехом, рвется вперед и падает от руки Хагена... Тогда бургундцы, в свою очередь, с яростью набрасываются на его дружину и всю её беспощадно избивают.

Следом за Ирингом в залу являются его друзья с воинами, – готовые мстить за него – Хаварт, король датский, и Ирнфрид, ландграф Тюрингский. Во главе своих воинов, они устремляются в залу, бьются насмерть с Нибелунгами, – но никто из них не уходит живой из залы, в которой вновь водворяется мертвое молчание, нарушаемое только воплями толпы, окружающей залу.

Но Кримгильда, неутомимая в своем мщении, посылает на своих братьев новые и новые толпы гуннов, которых те, однако же, ещё успевают отразить с успехом. Но их уже начинает одолевать утомление; их мучит страшная жажда – и короли-братья решаются предложить Кримгильде мир.

– Мир только на одном условии: если вы мне выдадите Хагена головою!

– Никогда! – отвечают ей короли-братья и готовятся к новым битвам.

Тогда Кримгильда приказывает зажечь залу с четырех концов. Пламя охватывает её стены, врывается красными языками внутрь полопавшихся окон, наполняет едким ды-

мом всю залу – но стены её толсты, своды прочны, и зала выдерживает натиск пламени... Однако же бургундцы выносят тяжкую муку: задыхаются от дыма, пьют кровь, чтобы утолить снедающую их жажду; многие из них падают от изнеможения: только 600 человек ещё способны владеть оружием и биться с врагом; но приступы гуннов все же отбиты с большим уроном...

Тогда уж Кримгильда и Этцель обращаются с мольбами к маркграфу Рюдигеру, убеждая его вступить в борьбу с Нибелунгами и сломить их упорное сопротивление. Благородный и великодушный Рюдигер всеми силами старается отклонить от себя эту тяжкую необходимость борьбы с королями-братьями; но он – вассал Этцеля и связан с ним клятвой верности. Затаив в сердце грусть и досаду, он весьма неохотно выступает со своими воинами против Нибелунгов... Следя за его движением, Нибелунги даже начинают думать, что Рюдигер идет к ним на помощь.

Когда Рюдигер с воинами своими вступает в залу, между обеими сторонами происходят весьма трогательные сцены. Так например Гизелер, помолвленный с дочерью Рюдигера, заключает с ним договор, в силу которого они друг другу дают слово – избегать встречи во время предстоящего боя. Затем, когда Рюдигер, вступив в битву с Хагеном, расколол его щит ударом своего меча, и уступает ему свой щит, – Хаген, тронутый его великодушием, дает ему слово не касаться его даже и в том случае, если бы он перебил всех бургундцев. Но

Гернот не может равнодушно видеть, как Рюдигер побивает его дружину; он устремляется навстречу маркграфу, они бьются долго и упорно – и оба падают мертвые. Вскоре после того и все воины Рюдигера падают, один за другим, в битве, и победа вновь остается на стороне грозных Нибелунгов.

Рюдигер умирает на руках Гильдебранда.

Слух о гибели Рюдигера разносится всюду и вынуждает Дитриха Бернского выйти из бездействия. Он высылает старого богатыря Гильдебранда и своих родичей – разузнать, справедлив ли слух о гибели Рюдигера? Старый Гильдебранд и Амелунги все разузнают в подробности и решаются мстить за Рюдигера, тем более, что и насмешки Фолькера возбуждают их к мести.

Завязывается последняя, ожесточенная, беспощадная битва. В ней гибнут все: и Нибелунги, и Амелунги. В живых остается только Гильдебранд, который и приносит Дитриху печальную весть о гибели Амелунгов. Тогда Дитрих вступает в битву сначала с Хагеном, а потом с Гунтером (только они одни и уцелели из всех бургундцев) – побеждает их обоих и связанных передает Кримгильде.

Кримгильда приносит Хагену голову Гунтера.

Кримгильда сажает всех врагов в отдельные темницы и начинает настаивать на том, чтобы Хаген возвратил ей клад Нибелунгов, некогда принадлежавший Сигфриду. Но тот отвечает ей:

– Пока жив хоть один из господ моих, никто никогда не узнает, где этот клад хранится.

Тогда, по приказанию Кримгильды, к нему приносят голову Гунтера и бросают к его ногам... Но это побуждает его ещё более упорствовать в сохранении тайны.

Видя бесплодность дальнейших расспросов, Кримгильда в изступлении отрубает Хагену голову мечом Сигфрида; а вспыльчивый Гильдебранд, возмущенный её злодействами, не может терпеть их долее – выхватывает меч и поражает им Кримгильду.

Этцель и Дитрих горько оплакивают гибель стольких храбрых витязей и восхваляют их доблести. Этим «плачем» и заканчивается поэма о Нибелунгах.

КАЗАНИЕ

О

БЕОВУЛЬФЪ.

4. Сказание о Беовульфе

Мы ознакомились с содержанием древней «Эдды», песни которой зародились на суровом скандинавском Севере и сохранились среди населения Исландии; мы передали в кратком изложении любопытное содержание этих песен, сложенных на древне-северном (скандинавском) наречии. Заглянем теперь в другой уголок древнегерманского мира, заселенный пришлым племенем англо-саксов, – в Британию – и ознакомимся с другим чудным сказанием, о дивном богатыре Беовульфе, которое сохранилось нам в древнем пересказе на англо-саксонском наречии.

48

В Дании некогда правил так рассказывается в начале этого древнего сказания – славный род Скильдингов. Один из королей этого славного рода, по имени Хродгар, особенно счастливый в войнах с соседями и накопивший от этих войн большие богатства, задумал ознаменовать свое царствование достойным памятником. Он решился выстроить для пиршеств своей дружины такую залу, которой бы не было и не могло быть подобной во всем свете. Задумано – и сделано. Собрав отовсюду искусных строителей, Хродгар не пожалел ни труда, ни издержек на дорогую и громадную постройку, и здание это, как по внешней своей красоте, так и по внутреннему убранству, оказалось в самом деле бесподобным. И чуть только эта дивная, богато-, изукрашенная зала была закончена, Хродгар перешел в нее со своими витезями, и вся окрестность огласилась шумными кликами его пиршества, звоном дорогих чар, ковшей и кубков, и громкими песнями королевских певцов, которые услаждали пирующих, щедро награждаемые из королевской казны. Но – увы! – это шумное веселье длилось недолго: – недолго звучали в той дивной зале чары и кубки, недолго раздавались веселые песни и клики, недолго рекою лилось пенистое пиво и золотисто-прозрачный мед... Шум пиршеств короля Хродгара каждый вечер доносился по ветру в мрачное жилище страшного и громадного чудовища по имени Грендель, который, невдалеке от дивной залы Хродгара, укрывалось в об-

ширных прибрежных болотах. Людское веселье тревожило Гренделя и возбуждало в нем непримиримую злобу... И вот, однажды ночью, это чудовище неслышно подкралось к зале Хродгара. Там после долгого и веселого пиршества расположились на ночлег беспечные сподвижники Хродгара... Грендель набросился на них среди сна, выхватил разом из их среды тридцать витязей и быстро повлек их с собою, в свое мрачное жилище, жадно терзая и пожирая их на пути.

Вопли ужаса сменили на утро клики веселья – и никто не знал, и не мог объяснить, откуда стряслось такое страшное бедствие? Куда подевались Хродгаровы витязи, и кто их похитил из дивной залы пиршеств? После многих сокрушений и догадок, беспечность взяла верх над опасениями и страхом. Хродгар и его витязи снова стали собираться для пиршеств в той же зале, стали в ней оставаться и на ночь – и то же страшное бедствие постигло их снова: чудовище Грендель стало являться каждую ночь, и каждую ночь уносить с собою по нескольку Хродгаровых витязей и приближенных. Скоро все уже догадались и даже убедились в том, что в залу пиршеств вторгается чудовищный Грендель, что именно это страшное чудовище похищает и пожирает королевских витязей; но никто из приближенных Хродгара не дерзал и подумать о борьбе с грозным Гренделем. И напрасно сокрушался добрый король Хродгар, напрасно молил он богов об избавлении его страны от неожиданного и тяжкого бедствия... Пришлось покинуть дивную залу: пиры в ней прекратились,

смогло веселье, и только Грендель изредка все ещё посещал её по ночам, отыскивая добычу и распространяя кругом себя ужас и тишину смерти...

Слух об этом страшном бедствии распространился широко и далеко. Он донесся и в землю геатов, где жил в то время славный витязь Беовульф, знаменитейший из богатырей короля Хигелака. Он заявил королю своему о желании подать помощь престарелому королю Хродгару, вступив в борьбу с чудовищным Гренделем. Как ни старались старые и опытные люди отговорить его от такого благого намерения, он снарядил свой корабль к плаванию и отплыл к берегам Дании. С ним вместе поплыли на том корабле четырнадцать храбрейших воинов, избранных им из всей его дружины.

Ободряемый счастливыми предзнаменованиями, Беовульф благополучно переплыл за море, к берегам Дании. Едва успели они причалить и выйти на сушу, как к ним уже выехал навстречу береговой сторож, расспросил их о цели прибытия и поехал оповестить короля Хродгара о приезде гостей. Беовульф и его товарищи, тем временем, вооружились и по дороге, вымощенной пестрыми камнями, направились к зале пиршеств короля Хродгара.

Береговая стража завидела корабль Беовульфа.

И все любовались крепким сложением и мужественным видом этих иноземных воинов, у которых головы были прикрыты блестящими шлемами с изображением вепрей, крепко закаленных в огне, для защиты головы от ударов в бою; любовались и их светлыми, крепкими доспехами, надетыми поверх кольчуг, звонко бряцавших при каждом их шаге; дивились и тем широким мечам, которые были у них привешены сбоку, и тем тяжелым копьям, которые они легко, без малейшего усилия, несли в своих могучих руках, облеченных в железные рукавицы. На встречу приезжим гостям вышел из залы Вульфгар – один из приближенных короля Хродгара. Расспросив гГеатов, он вернулся в залу к Хродгару и сказал:

– Сюда прибыли по морю богатыри из далекой страны геатов. Я слышал, как они называли своего предводителя Беовульфом. Они просят о дозволении повидаться с тобою, король, и вступить с тобою в беседу. Не откажи им в этом, ибо они, судя по их внешнему виду и по доспехам, достойны вести с тобою речь и заслуживают уважения людей благородных.

– Знаю я этого Беовульфа, – отвечал Хродгар. – Не раз слышал я о нем от гостей-корабельщиков, привозивших нам дары и товары из земли геатов: – они говорили мне, что в мощных руках Беовульфа заключается сила тридцати витязей. Чует моё сердце, что эти заезжие богатыри пришли сюда

биться с Гренделем. Зови их скорее!

Вульфгар передал приветствие короля приезжим гостям и его желание видеть их у себя на пиру. Тогда они тотчас, отстегнув от пояса мечи, отложив щиты и составив копья в угол, в одних шлемах и бронях последовали за Вульфгаром, оставив двоих воинов стеречь их оружие.

– Здравствуй, Хродгар! – сказал Беовульф подходя к королю. – Я – родной племянник короля геатов Хигенака. От заезжих гостей-корабельщиков прослышал о тех бедствиях, какие вы терпите здесь от Гренделя; мне рассказывали, будто зала твоя, лучшая в свете, стоит без всякой пользы для твоих богатырей. И вот я пришел сюда – избавить тебя от чудовища, по совету людей, которым известна моя сила, и которым часто случалось видеть, как я, весь в крови возвращаясь с поля сражения, разом вязал по пяти врагов. Но, решаясь на этот новый подвиг, прошу тебя об одном: чтобы только мне и моим товарищам дозволено было очистить твою залу от чудовища; в случае же, если я паду в битве с Гренделем, – перешли королю Хигенаку мою броню, лучшую из всех броней в свете, выкованную некогда вешим кузнецом Виландом».

Хродгар поблагодарил Беовульфа за его готовность помочь ему и рассказал ему подробно о том, как Грендель вторгался в его залу, и сколько его витязей загубил. Затем король пригласил Беовульфа и его спутников к участию в общей пирушке и предложил им подкрепиться мёдом.

По велению короля, для геатов тотчас была очищена ска-

мья за столом, и слуги стали их потчивать пивом и медом, поднося напитки в кружках с прекрасной резьбой. И в то время, как они пили, в зале пиршества весело пел певец, услаждая слух пирующих витязей.

Видя, с какою честью король Хродгар принимает приезжих из-за моря геатов и их вождя, многие из датчан стали смотреть на них с завистью и недовольством. Один из них, Гунфред, любимец короля Хродгара, постоянно сидевший на пирах у его ног, дерзнул даже обратиться к Беовульфусу с задорными и заносчивыми словами: ему неприятно было видеть у себя на родине и даже за столом короля этого заезжего богатыря, который должен был вскоре затмить славою всех его земляков:

– Не тот ли ты Беовульф, – так начал задорный Гунфред, – который некогда плывал с Брекою взапуски по обширному морю? Помнится, слышал я, что тогда родные и близкие тщетно пытались вас обоих отклонить от выполнения вашего безрассудного намерения – измерить глубины и мелли грозного, многошумящего моря! Никому не внимая, вы уже устремились в море с высокого берега, и разводя руками, рассекая ими поверхность моря, уже пробивались вперед сквозь бурный и пенистый прибой. Достоверные люди мне сказывали, что Бреки тогда одолел тебя в искусном умении плавать... И сколько бы ты ни рассказывал о своей опытности и неустрашимости в боях, я все же за тебя стану опасаться, когда ты останешься здесь на ночь и станешь выжидать

прихода Гренделя.

– Я думаю, любезный друг Гунфред, – так отвечал ему Беовульф, – что выпитое тобою за нынешним пиршеством туманит тебе голову... Иначе ты, конечно, не говорил бы так о моем состязании с Бреки... Действительно, был с нами такой случай в ранней юности: – друг мой Бреки и я, мы оба задумали однажды вплавь пуститься за море, с обнаженными мечами в руках, ради защиты от морских чудовищ. Задумано, и сделано: – пять ночей сряду плыли мы так вместе по морю, пока буря с туманом не разлучила нас – не разогнала в разные стороны. Тогда ободрились морские чудовища: стали они на меня нападать и старались лишить меня бодрости духа; но крепкая кольчуга и броня защищали мое тело от их когтей и зубов, а я неустанно и смело работал мечом моим, беспощадно их поражая, нанося им направо и налево удары... И вот на рассвете увидел я, как волны морские носили их множество окровавленных и бездыханных: с той поры они, дерзновенные, не преграждали уже путь морякам по пенистым волнам. Как видишь, наше состязание с Бреки совсем не могло состояться, но мне при этом пришлось выдержать на море такую борьбу с морскими чудовищами, о какой я ещё и не слыхивал... А ты между тем ни единым словом и не вспомнул о ней! Я же, в ответ на твои задорные речи, только одно и скажу тебе: не себя ли ты считаешь храбрейшим из храбрых? Если так, то скажи, отчего же допускаешь ты, чтобы в этой зале могло так сильно злодействовать алч-

ное чудовище? И зачем же ты позволяешь, чтобы геат для борьбы с ним приехал из-за моря?

Таковыми и тому подобными словами Беовульф заставил Гунфреда умолкнуть, и изумил своею мудростью самого короля Хродгара, который ещё более проникся доверием к славному гостю. И снова смех и веселье наполнили залу пиршества, а затем королева, супруга Хродгара, по обычаю датчан, обошла всех гостей с кубком мёда в руках и с приветливым словом...

Долго бы ещё продолжался шумный и веселый пир и верно затянулся бы далеко за полночь, если бы король Хродгар не вспомнил вовремя, что страшный бой ожидает храбрых в этой же зале в тот час, когда скроется солнце, и темная ночь опустится на землю и прикроет её своими тенями. Вспомнив о предстоящей битве с Гренделем, король Хродгар поднялся в тревоге, а за ним и все стали прощаться с гостями.

На прощанье, Хродгар, обратясь к Беовульфу, сказал:

– Тебе, первому из богатырей, поручаю я охрану моей залы. Знай, что если ты точно избавишь нас от бедствия, то можешь потребовать из моего имения то, что тебе придётся по вкусу.

Оставшись наедине со своими товарищами, Беовульф приказал затворить двери залы и запереть их крепким засовом. Потом он снял с себя броню и кольчугу, отцепил и меч с бедра, и сказал:

– Отлагаю оружие в сторону, ибо знаю, что в борьбе с

Гренделем никакое оружие не поможет. Надеюсь только на силу свою, и пусть судьба решит между нами битву, к которой я готов.

Сказав это, он спокойно заснул со всеми своими, и только один из геатов остался настороже.

Между тем темная ночь опустилась на землю; всё кругом залила она своим мраком, под покровом которого тишина и сон водворились всюду. Только жалобные крики сов и филинов на высоких, старых деревьях вокруг зала нарушали ночное безмолвие...

Так настал и полуночный час... И вот, ровно в полночь, вышел из своего болота чудовищный Грендель и тихо подкрался к дверям залы, из-за которых слышался громкий храп крепко заснувших геатов. Мигот отбил Грендель запор у дверей, и вот он уж в зале, и жадно обводит огнистыми, сверкающими глазами всех спящих воинов, заранее избирая и как бы намечая себе жертву... Вот, наконец, жертва избрана! Грендель, подкравшись к геатам, хватает одного из них, разрывает пополам, раздробляет его кости, высасывает кровь из жил его, и тут же глотает свою добычу огромными кусками! Потом ненасытное чудовище тянется за другим, ближайшим воином, и вдруг чувствует, что чья-то мощная рука хватается его за лапищу, и стискивает её так, что все кости трещат в ней, все хрящи ноют... Ужас овладевает Гренделем: он рвётся, он хочет бежать – но уж поздно! Бесстрашный Беовульф вскакивает с лавки и, не выпуская толстую лапу Гренделя,

устремляется на него...

Тут началась неслыханная борьба, один на один, борьба на жизнь и на смерть, борьба двух сил громадных и страшных как волны во время грозно бушующей бури. Затрещал толстый дубовый пол, задрожали стены залы, срубленные из вековых дубов, зашаталось и ходуном заходило все несокрушимо прочное здание... Попадали на пол тяжелые скамьи, которых никогда и никто не мог даже сдвинуть с места... Все датчане, издали заслышав гул и треск в зале, пришли в ужас: они с трепетом ждали, что вот-вот обрушится зала и раздавит могучих!

Но борьба уже явно клонилась на сторону Беовульфа: — он одолевал уже Гренделя, и тот помышлял только о бегстве, о том, чтобы поскорее вырваться из рук могучего богатыря и ускользнуть в своё мрачное болото... Но помыслы эти были напрасны: лапа Гренделя, по прежнему, оставалась в руках Беовульфа, словно в железных тисках. Наконец чудовище, собравшись с последними силами, рванулось, что есть мочи, — и вот жилы, тяжи и мускулы порвались в плече, лопнули кожа и мясо, кости выскочили из суставов, и вся лапа Гренделя, до самого плеча, осталась в руках Беовульфа; а чудовище, искалеченное, пораненное на смерть, повлеклось издыхать в своё болото.

Когда прослышали датчане, что битва окончилась победою Беовульфа, то одни устремились к зале, а другие пошли по кровавым следам Гренделя до самого болота, и там, на

воде, заметили кровавые струи. В зале толпа сбежавшихся любопытных с ужасом смотрела на следы грозного ночного боя – на поваленные скамьи и столы, на стены, обрызганные кровью чудовища и на могучую лапу Гренделя, оторванную у чудовища Беовульфom... И все славные богатыри, и сам Гунфред должны были перед ним смолкнуть, когда он спокойно и просто стал рассказывать всем о своей ночной битве с чудовищем. Сам Хродгар, этот мудрый король Датский, хорошо знакомый с древними сказаниями, сложил песню в честь Беовульfoва подвига.

Затем король приказал очистить залу, поправить в ней всё, что расшаталось и попадало во время битвы Беовульфа с Гренделем, и когда всё было исправлено, Хродгар вновь велел приготовить в зале богатое пиршество. За этим-то пиром, Хродгар, обратившись к Бсовульфy, сказал:

– Часто случалось мне награждать и гораздо более слабого бойца за меньшие подвиги. Тебя же, Беовульф, я стану отныне считать своим сыном. Знай, что тебе не будет и не может быть отказа ни в чем из всего мне принадлежащего, и прошу тебя принять от меня дары, достойные тебя и твоего подвига.

И он поднес Беовульфy броню, шлем и копье из чистого золота, да сверх того драгоценный меч и восемь коней, а при них дорогое седло, на котором он сам в былое время сиживал, когда кругом его раздавался звон мечей.

Беовульф принял все эти дары с полным кубком в руках;

а затем, в свою очередь, подошла к нему королева и подала ему другой кубок с приветствием и в то же время на обе руки надела ему из крученого золота обручи, кольца на пальцы, накинула на плечи богатый плащ, а на шею драгоценное золотое ожерелье, самое тяжелое из всех ожерелий на свете.

Пир, и после поднесения этих даров, продолжался, полный шума и веселья, и звона круговых чаш, при громких песнях певцов, прославлявших подвиги древних героев. Король и королева с детьми поздно удалились из залы; а гости, изрядно отяжелевшие от меда, разостлали на скамьях постели и, сложив в головах всё своё оружие, расположилось на ночь там же, где пировали. Только Беовульф и его спутникам, в виде особого почёта, отведен был особый покой на эту ночь, для ночлега. И вскоре все преспокойно заснули в зале, нимало не заботясь о том, что их ожидает в близком будущем.

Но вот, в глухой полуночный час, опять затрещали двери залы, и распахнулись настежь и в них ввалилось другое чудовище, подобное Гренделю: – то была мать Гренделя, явившаяся мстить за сына.

...то была мать Гренделя, явившаяся мстить за сына...

Шум её появления разбудил всех датчан. Они поднялись разом; но ужас их при виде нового чудовища был так велик, что им и в голову не приходило взяться за оружие или прикрыть полунагое тело доспехами, которые были свалены кучей у их изголовий. Все бросились вразсыпную. А мать Гренделя, явно напуганная общим пробуждением, тоже решила бежать обратно в свое болото, впопыхах захватив только одного из ближайших к ней датчан. И чудовище, и товарищ исчезли вмиг из глаз у перепуганных витязей, которые громко завопили от ужаса... Побежали рассказать о случившемся к королю, и тот немедленно послал за Бсовульфом. Когда же Беовульф явился в залу, Хродгар сказал ему:

– Прежнее бедствие постигло нас, Беовульф! Эскер, мой лучший собеседник и советник, мой подручник в битвах, погиб от нового чудовища, вероятно приходившего сюда мстить за Гренделя. По слухам известно нам, что какие-то два мрачных чудовища обитают в ближнем приморском болоте. Над тем болотом, угрюмо и неприветно склонясь, нависли густыми ветвями старые деревья, и каждую ночь там чудится страшное чудо: ярким светом озаряются мрачные воды болота. И никто никогда не решался в то болото ногою ступить... Даже олень, изнуренный преследованием собак, скорее решается погибнуть, нежели укрыться в той трущобе... Лишь ветер, завывая, колышет там обросшие мохом де-

ревья, о корни которых плещутся мрачные волны. Ты один можешь решиться проникнуть в мрачную бездну- один ты можешь нас избавить от бедствия! И если избавишь, то вновь обещаю тебя наградить из моей золотой казны.

Склоняясь на слёзные мольбы престарелого короля, Беовульф обещал ему, что будет преследовать чудовище и проникнет даже в самое убежище его – в мрачный омут болота.

Когда же Беовульф решил привести своё намерение в исполнение, Хродгар со всеми своими приближенными вызвался проводить его. Вскоре все они направились к болоту, верхами, по неизведанным дорогам и тропинкам. Всюду по тому пути виден был след бежавшего чудовища И в том месте, где этот след терялся в болоте, вся вода под топким берегом была окрашена кровью... Здесь же, на берегу, нашли они голову несчастного Эскера, которого горько оплакивал старый король Хродгар.

Спешившись с коней, Беовульф, с немногими избранными воинами, подошел к окраине болота, и все они ясно увидели в воде страшных змей и морских драконов; увидели и водяных никсов⁷, которые сидели на подводных скалах. Заслышав шум по побережью, быстро заметались в воде морские чудовища и водяные змеи. Одно из этих чудовищ Беовульф подстрелил в воде, а когда оно всплыло на поверхность, его спутники добили это чудовище копьями.

⁷ **Никсы** ([нем.](#) *Nixen*) – в средне- и северо-европейском фольклоре духи воды или водяные.

Потом Беовульф обратился к Хродгару с следующей речью:

– Высокочтимый король! Готовый спуститься на дно болота, ради избавления твоей страны от страшного чудовища, я иду на встречу верной смерти; а потому и прошу тебя, в случае, если бы я точно погиб от чудовища, то не оставь твою милостью моих добрых земляков-геатов, и перешли дяде моему, королю Хигелаку, все дары, полученные мною вчера.

Окончив эту речь, он взял из рук Гунфреда меч Хрунтинг, древнее, в яде омоченное и в крови закалённое оружие, опоясал на себе покрепче кольчугу – и ринулся с берега в омут страшного болота. Король Хродгар не успел и вскрикнуть, как уже мрачные волны бездонного омута поглотили храброго витязя.

Целый день, с утра и до вечера опускался Беовульф на дно страшной бездны, среди чудовищ, которые яростно бросались на него и хватали зубами, то за плечи, то за руки, но их злобные нападения оказывались тщетными- всюду встречали они либо непроницаемо-твёрдую броню, либо частую сеть крепкой железной кольчуги. Когда же он наконец коснулся ногами дна этого страшного омута – на него тотчас же яростно набросилась мать Гренделя, самого страшного из всех водяных чудовищ. Охваченный могучими лапами чудовища, Беовульф не мог двинуть в воде ни рукою, ни ногою, не мог даже обнажить меча своего – а мать Гренделя, между тем, быстро увлекала его куда-то в сторону из мрачного ому-

та. И вдруг он увидел, что они очутились в каком-то неведомом углу бездны. Беовульф убедился, что вода туда не проникала, что эта мрачная подводная пещера была освещена каким-то бледным светом, и тут только разглядел вполне ясно то чудовище, которое держало его в своих мощных когтях. Быстро оправившись, Беовульф встряхнул плечами, вырвался из лап чудовища и, выхватив меч Хрунтинг, яростно напал на своего грозного противника. Но увы! – крепкая, благородная сталь не могла нанести чудовищу никакого вреда и только скользила по его чешуе... Тогда Беовульф, отбросив оружие, вступил в борьбу с матерью Гренделя, сбил её с ног, но потом, поскользнувшись, сам упал, и чудовище навалилось на него всею своею тяжестью, пытаясь его раздавить или задушить. Но Беовульф был опытный борец: – улучив минуту, он выбился из-под чудовища, вскочил на ноги, сорвал со стены громадный меч, некогда выкованный древними великанами и, собрав все силы, с размаху ударил им мать Гренделя по шее... Затрещали хрящи и кости – все раздробил страшный меч, и бой окончился одним ударом. Обливаясь кровью, чудовище пало мёртвое к ногам Беовульфа.

Тогда, торжествуя победу, славный богатырь тем же мечом отрубил громадную головищу от трупа Гренделя, лежавшего в углу, и, взяв её в одну руку, хотел другою унести из подводной пещеры древнее оружие великанов. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что этот громадный меч стал таять как лед в его руках и в несколько мгновений растаял до самой рукояти, так что только эту рукоять он и мог унести с собою на землю, в память о страшной битве.

Между тем, спутники Беовульфа, сопровождавшие его до болота, давно уже отчаялись увидеть его в живых. Они ждали его целый день, от раннего утра и до наступления вечера, и уже собрались уходить домой, когда их внимание было привлечено странным, необыкновенным явлением. Вода в мрачном омуте болота стала краснеть, окрашиваясь струями свежей крови. Все так и подумали, что это кровь Беовульфа, что он погиб в борьбе с чудовищем, и уже собирались горько оплакать славного богатыря – красу и честь земли гетов – как вдруг Беовульф показался из воды и подплыл к берегу. Все радостно бросились к нему и пособили ему выйти на сушу и самому обсушиться, так как красноватая влага ручьями сбегала с его доспехов и одежды. Товарищи помогли ему освободиться от доспехов, усадили его на коня; а четверо из них торжественно понесли за ним на носилках чудовищную головищу Гренделя, так как никому не под силу было снести её одному.

Шумно и весело сели в тот вечер все гости за стол короля Хродгара, пировали далеко за полночь и легли спать спокойно, твёрдо уверенные в том, что, благодаря подвигу Беовульфа, никто уже теперь не нарушит их покоя.

На другой день геаты стали собираться домой. Щедро одарив и Беовульфа, и всех его спутников, Хродгар распростился с ними и весьма сердечно, весьма искренно пожелал им счастливого пути.

Счастливо переплыл Беовульф многошумное море и прибыл к берегам своей родины, где король Хигелак и все его родные встретили Беовульфа радушно и весело. Тут Беовульф рассказал им подробно о своем пребывании в земле датчан, о грозной битве с чудовищами, о тех опасностях, которым он подвергал свою жизнь, сражаясь для общего блага. И громко славили его подвиг певцы, под звон заздравных кубков. В конце пиршества он щедро наделил короля Хигелака и всё его семейство из сокровищ, поднесённых ему в дар Хродгаром. Хигелак тоже не остался у него в долгу: он отдал Беовульфа лучшим из своих родовых мечей, да сверх того дал ещё ему землю и замок в пожизненное владение...

Затем прошло много лет. Хигелак пал в битве; и сын его тоже пал под мечами врагов. Королем над геатами пришлось быть Беовульфу, и он мудро и счастливо правил ими около полувека, как вдруг прослышали о новом и тяжком народном бедствии... В его владениях появился крылатый змей,

который всюду летал по ночам — людей умерщвлял и дома их зажигал. Этот змей был хранителем клада, зарытого в пещере неприступной скалы. Никому неведомая тропинка вела внутрь той скалы, и по этой тропинке человек проник случайно в жилище змея. Не по доброй воле, не для того, чтобы разыскать богатый клад змея, зашел этот случайный гость в мрачную пещеру горного чудовища: — он зашел туда убегая от жестоких преследований своего неумолимого владыки и господина. И вдруг, зайдя в пещеру, заглянув под её мрачно нависшие своды, он увидел пред собою груды блиставших в пещере змеевых сокровищ! Сокровища эти скрыл здесь некогда последний потомок одного старинного рода, у которого смерть отняла всех близких, так что ему выпало на долю только одно: оплакивать своих близких и сетовать на свою горькую участь. Он снёс все сокровища своего рода в ту неприступную пещеру, сложил там в кучи ярко-блестевшее золото и сосуды.

— Пусть земля примет в свои недра тб сокровища, которыми уже не может владеть никто из моих близких! Все они погибли жертвою мечей и копий! Никого из них не осталось, кто бы мог теперь владеть этими заветными мечами, пить из этих драгоценных кубков, носить эти блестящие доспехи! Смолкли в наших замках звонко бряцавшие арфы — не слышно более пения певцов, не видно перелетающих по залам соколов и кречетов, и дворы их не оглашаются топотом быстрых коней. Беспощадная смерть рано похитила у меня

всех близких и родных.

Так горько сетовал на свою судьбу одинокий, проводя дни и ночи в тоске и печали, пока и его не коснулась холодная рука смерти...

Клад, оставленный этим горемычным и одиноким скитальцем, был впоследствии разыскан змеем, который поселился в той пещере и триста лет лежал в ней спокойно на своем золоте, пока не потревожил его своим посещением бедный изгнанник, который изо всего клада взял только кубок, и тот принес к ногам своего неумолимого господина, чтобы вымолить у него себе пощаду.

И вот, заметив похищение, змей поднялся со своего золотого логовища и устремился вслед похитителю... Но нигде не нашел его; и с той поры, мстя за обиду, нанесенную ему человеком, он стал летать по ночам по всей земле Беовульфа, пыша огнем, всё пожирая на пути, не щадя ничего живого...

Прослышал о том Беовульф; узнал также, чем вызваны были эти страшные опустошения. Как добрый король – отец своего народа – он тотчас же решил избавить свою страну от неожиданного бедствия. При этом он, как опытный воин, приготовился к битве надлежащим образом: он знал, что ему придется вступить в борьбу со змеем, который дышит огнем, и потому приказал выковать для себя большой железный щит. Вооружившись с головы до ног и взяв этот щит на руку, он направился, в сопровождении двенадцати опытных витязей, к пещере, где залегал змей на своих сокровищах.

Проводником Беовульф и его спутникам служил тот, кто был невольным виновником всех бедствий...

Только ему одному и была известна тропинка, по которой легко можно было проникнуть в жилище змея... Но этого проводника не легко было заставить, чтобы он всем указал роковой путь: — он не хотел идти добровольно, упирался и испускал жалобные вопли. Витязи должны были связать ма-

лодушному руки за спину и насильно гнать его перед собою.

Беовульф, состарившейся в бурных битвах, готовый и ещё раз, на закате дней своих, совершить новый подвиг, вступить в последний бой – на этот раз был грустно настроен. Напрасно старался он ободрить себя, перебирая в памяти все те опасности, каким подвергался в жизни: – не смотря ни на что, прежняя бодрость духа не возвращалась. Он предчувствовал, что уже близок был назначенный судьбою час, в который душе его предстояло расстаться с телом...

Но вот уже и достигли они цели своего долгого и трудного похода... Преодолев себя, Беовульф сходит по тропинке к убежищу страшного змея, вместе со своими спутниками – и видит перед собою каменный свод глубокой пещеры, из под которого, пылая огнем, бежит бурный, могучий поток. Никому нельзя было даже и помыслить приблизиться к тому месту, и Беовульф, видя перед собою такое неожиданное и неодолимое препятствие, стал громко и гневно вызывать змея на бой и выкликать его из пещеры. Заслышав человеческий голос, змей из пещеры вышел, увидел перед её входом готового к бою Беовульфа, который ожидал его, прикрывшись щитом – увидел и приостановился. Долго, долго и очень внимательно высматривали друг друга противники, видимо опасаясь друг друга, и вдруг устремились в битву. Змей так грозно выбрасывал из своей пасти пламя, обдавал всех таким страшным жаром, что ужас напал на всех спутников Беовульфа и они, отчаявшись в исходе битвы, без огляд-

ки бросились бежать к сосновому лесу, предоставляя своего короля и владыку на волю судьбы и помышляя только о своем спасении. Один Виглаф, неизменно-преданный Беовульфу, остался при нём; и напрасно пытался он мольбами и упреками остановить беглецов. Видя, что все его усилия напрасны, он решился умереть со своим господином, и стал мужественно помогать Беовульфу в борьбе со змеем, то осыпая змея ударами своего меча, то прикрывая короля щитом.

Но могучая рука Вульфенита, даже и в старости, всё ещё была слишком тяжела для меча, даже и самого твёрдого, самого лучшего... В разгаре битвы, знаменитый меч, который уже много лет сряду служил ему в битвах, разлетелся вдребезги от удара о голову чудовища, и пока он успел его отбросить в сторону и выхватить другой запасный меч – змей сумел нанести Беовульфу смертельную рану. Чувствуя это, могучий боец собрался с последними силами, вновь устремился на змея, и поразил его.

Когда змей пал, наконец, под ударами Беовульфа и Виглафа, и, свернувшись в кольцо, издох – сам Беовульф стал немочь от раны и почувствовал, что его уже не держат резвые ноги... Он опустился наземь, опёрся спиной о скалу и обратился с речью к своему верному Виглафу, который снял с него доспехи и подавал ему свежую воду:

– Пятьдесят лет сряду правил я своей страной! – так сказал он. – Полвека охранял я её мечом от врагов, не коварствуя, не произнося клятвы, которую бы я не исполнил. И

вот теперь, в последние мгновения жизни, могу себя успокоить тем, что никто не упрекнет меня в убийстве родных или друзей. Но чтобы я мог умереть спокойно и твёрдо, ты, верный Виглаф, ступай в пещеру, и вынеси мне на показ все те сокровища, которые я, в этой последней битве, отнял у грозного змея...

Виглаф поспешил исполнить последнюю волю умирающего короля. Войдя в пещеру и быстро оглядев жилище змея, он захватил оттуда лучшие из множества там собранных сокровищ и вынес их, и положил к ногам Беовульфа, который уже впадал в забытие. Желая пробудить его к сознанию, Виглаф стал обливать его холодной водою и ещё успел привести его в чувство. Умирающий бросил взгляд на сокровища и сказал:

– Я умираю; вели же схоронить меня на берегу – и пусть высоко над прибоем будет виден мой могильный холм, чтобы все моряки и заморские гости-корабельщики заведя его издали, знали, что это Беовульфова могила... А ты, последний в моём роде, неизменно верный мне, возьми все мои доспехи и носи их со славою!

С этими словами он заснул навеки. Видя это, Виглаф тотчас поспешил воротить беглецов из леса, усовещивал их, упрекал в низком поступке, потом, при их помощи, вынес все сокровища из пещеры змея, а для Беовульфа соорудил великолепно украшенный громадный костёр на берегу многошумящего моря...

Совершив, с соблюдением всех древних обычаев, обряд сожжения над Беовульфовым тылом, Виглаф, по завещанию героя, насыпал высокий холм над его славным прахом. И моряки, издали направляя свои корабли на этот холм, действительно говорили друг другу:

– Вон, высоко над прибоем, виднеется могила Беовульфа. Честь и слава ему!

ОМАНЫ
КРУГЛАГО
СТОЛА.

5. Романы Круглого Стола

Средние века – века рыцарства с его вечными раздорами, войнами и замкнутой жизнью, которая протекала однообразно и скучно за зубчатыми стенами замков – эти средние века, отличавшиеся сильно-развитым уважением к грубой физической силе и кулачной расправе – оставили нам весьма обширную литературу рыцарских романов, которые живо знакомят нас с нравами, обычаями, верованиями, понятиями и предрассудками рыцарской среды. Основую подобных романов являются обыкновенно приключения какого-нибудь рыцаря, который ищет всякой возможности проявить своё мужество, свою силу, своё умение владеть оружием; борется с чудовищами и великанами, избавляет любимую им женщину из рук злодеев или разбойников, и, после многих, совершённых им подвигов, приобретает неувядаемую славу и общее уважение. В очень многих романах повторяются почти дословно те же приключения и даже появляются те же действующие лица; и самое изложение романов почти одинаково: это плавный и спокойный рассказ, пространный и подробный, излагающий события изо дня в день, рисующие внешнюю сторону лиц и их приключения и ни единым словом не упоминающий о внутренней жизни своих героев, об их думах, чувствах и состоянии души в те или другие моменты их деятельности...

Большая часть средневековых рыцарских романов написана стихами, и эти стихотворные изложения романических сюжетов, явившиеся в период процветания рыцарства (в XII–XIV веках), доставили громкую славу многим поэтам, преимущественно французским и германским. Но чрезвычайно любопытною особенностью всех подобных изложений явилось то обстоятельство, что во всех рыцарских романах оказалась одна общая основа. Герои рыцарских романов представлялись тесно-связанными с кружком витязей, собиравшихся около какого-то «доброго и славного короля Артура», точно также, как наши русские богатыри собирались около Владимира Красного Солнышка. Двор короля Артура представлялся центром, к которому стремилось и около которого собиралось всё именитое и славное, всё, что умело с достоинством и честью носить рыцарское звание, всё, что хотело блеснуть своими подвигами, своими заслугами или чрезвычайным разнообразием своих приключений. Обычаи двора Артура представляются в рыцарских романах образцом всего, что можно себе представить в смысле утончённой рыцарской вежливости, благородства и воспитанности: – это идеал, к которому должен стремиться каждый истинный рыцарь. При той выдержке и воспитанности, которая должна составлять отличительную черту каждого рыцаря, являющегося ко двору Артура – все рыцари при дворе его равны: – между ними нет ни старших, ни средних, ни меньших, ни более именитых, ни менее заметных... Это общее равен-

ство рыцарей при Артуровом дворе выражается наглядно тем, что все за столом сидят «без мест», за общим «круглым столом», который и есть главный сборный пункт рыцарской братии, со всех концов образованного мира стекающейся ко двору «доброго короля Артура». От этого центра все они получают даже и своё общее название «Рыцарей Круглого Стола», а романы, в которых рассказывается об их подвигах и приключениях, — название «романов Круглого Стола». К кругу этих сказаний относятся романы о короле Артуре и его сподвижниках, о волшебнике Мерлине и Вивиене, о Ланселоте и Жениевре, о Тристане и Изольде, о Рыцаре со львом, о Парсивале, и многие другие, известные в нескольких различных обработках или редакциях.

Ученые долгое время спорили о том, откуда были первоначально заимствованы средневековыми поэтами основные сюжеты всех этих романов «Круглого Стола», и наконец пришли к тому убежденно, что эти сюжеты были заимствованы из кельтских сказаний. Тщательные розыски привели к тому, что в библиотеке Оксфордского Университета отыскан был и древне-кельтский рукописный сборник, в котором нашли первоначальные кельтские сказания об Артуре и его витязях, в той сжатой и краткой форме, в которой они явились среди кельтского населения Бретани и Уэльса, и из которой впоследствии выросли и развились объемистые средневековые рыцарские романы. Для того, чтобы ознакомить наших юных читателей с этими любопытными сказаниями,

мы приводим здесь три наиболее распространенные из них почти в том самом виде, в каком они были одним из французских ученых внесены из Оксфордского сборника⁸ в его книгу о романах Круглого Стола. Сказания эти излагают нам похождения трёх знаменитых представителей Артурова двора: Овенна, Герана и Передура, и носят следующие заглавия в подлиннике:

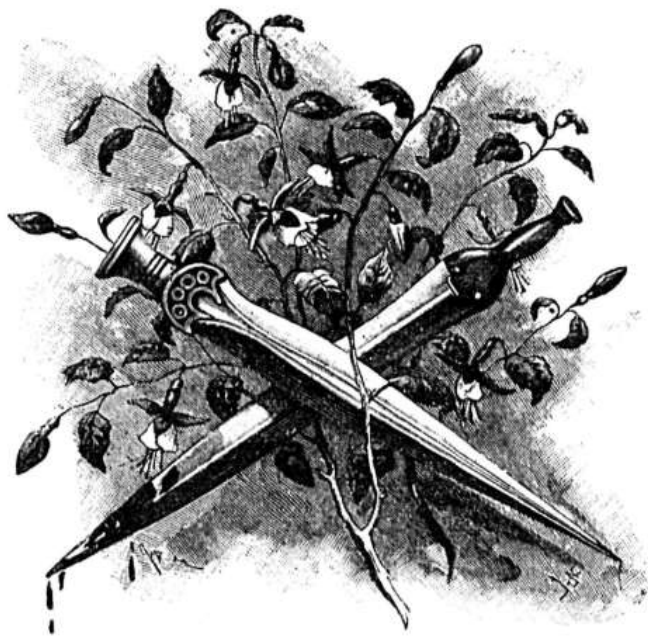
I. Овенн или дама Источника;

II. Геран или рыцарь с соколом, и

III. Передур или таинственный сосуд.

Каждое из этих сказаний рисует нам рыцарский быт с какой-нибудь особой стороны и в ряде любопытных очерков знакомит нас со средневековой жизнью в её различных проявлениях.

⁸ Этот Оксфордский сборник известен под названием «Красной Книги» и, по весьма веским данным, относится учеными к периоду конца XIII – начала XIV века.

Овенн или Дама Источника

I.

Однажды во дворце короля Артура собрались все лучшие рыцари, постоянно составлявшие его свиту. Тут был и Овенн, сын владетельного князя Уриена, и Кенан, сын Кледно, и Кай – сын Кенера. Сам Артур восседал среди залы на своем любимом кресле, плетеном из камыша и обитом лазоревым сукном. Он опирался локтем на пунцовую атласную подушку и оглядывал всех окружающих с благодушной улыбкой. Супруга его, Гвеннивар, в стороне, у окна, окруженная своей служней, была занята рукодельем, в котором ей помогали её девушки.

– Я полагаю, что недурно будет мне немного соснуть перед обедом, друзья мои! – сказал Артур, приветливо обращаясь к своим витязям. – А вы, тем временем, потешайте друг друга рассказами... Да и спросите себе по кружке мёда!..

Сказал – и вскоре после того погрузился в дремоту. Тогда все рыцари обратились к Кенану, прося его рассказать одну из тех любопытнейших историй, которых он так много знал на память. Сначала тот стал было отнекиваться; но когда Кай сбегал в погреб и принес оттуда меду, то язык у Кенана раз-

вязался сам собою, и он согласился потешить своих товарищей.

Все приготовились слушать, а Кенан начал так:

– Смолоду я был очень смел и самонадеян, и воображал себя, что не встречу себе соперника по силе и мужеству. Такое убеждение побуждало меня к странствованиям и поискам приключений, в которых я сам весьма неразумно напрашивался на опасности...

Однажды, после долгого переезда по стране безлюдной и мне неизвестной, я очутился в прекраснейшей долине. Там, по берегу живописной речки, извивалась тропинка, по которой я и пустил своего коня. До самого вечера следовал я этой тропинкой и наконец завидел вдали большой и роскошный замок, с трех сторон окружённый водою: – к нему-то я и направился. Когда я подъехал к замку, на встречу мне вышел сам хозяин его со своими двумя сыновьями, взял меня под руку и ввел в главную залу этого обширного здания. В той зале увидел я двадцать четыре девицы, у окна, за работою: они вышивали золотом по атласу. Все они были стройны и красивы, и могу вас уверить, что самая некрасивая из них была лучше многих наших красавиц, а красивые могли бы соперничать красотой с нашей знаменитой красавицей Гвеннивар, супругой короля Артура!

И вот, шесть из числа этих девиц поднялись со своих мест, подошли ко мне и сняли с меня мои доспехи; а другие шесть тотчас же омыли их в тазу и вычистили так, что они горели

как жар; шесть подруг их стали накрывать на стол и подавать кушанья, а остальные шесть сняли с меня грязное и пыльное платье и переодели меня с головы до ног в чистое бельё и платье. Потом усадили меня на подушки, подостлали мне под ноги ковер, и подали серебряный таз и рукомойник, в котором я мог умыться перед обедом и омыть руки. Те же девицы, которые сняли с меня доспехи, позаботились и о моем коне, расседлали его, разнуздали, вычистили, поставили в стойло и насыпали ему корму в ясли.

Затем, мы сели за стол; я сел рядом с хозяином и его сыновьями на одном конце стола, а все женщины и слуги сели на другом конце. В начале обеда, ни хозяин, ни сыновья его не заговаривали со мной; но когда они увидали, что я утолил свой голод, и что беседа была бы мне приятна, то между нами разговор завязался сам собою. Я объявил хозяину свое имя и сообщил ему, между прочим, что странствую по белу свету, отыскивая себе супротивника, с которым бы я мог помериться силами и потягаться в мужестве.

Хозяин, в ответ на это, улыбнулся и сказал:

– Мне нетрудно будет указать тебе достойного соперника. Переночуй здесь, и встань на завтра пораньше. Выхав из замка, поезжай прямо по долине, пока не доедешь до леса; в том лесу выезжай на прогалину, среди которой сидит одноглазый, черный великан: он сторожит там лес и пасёт в нем стада диких зверей. У него спросишь ты, как тебе проехать к источнику, и он же укажет тебе, как найти того, кого

ты ищешь.

Долга показалась мне эта ночь!.. Едва только занялась заря на востоке, как я уже был на ногах и седлал коня, готовясь в дальний путь... И вот, я выехал из замка, доехал до леса, видневшегося вдали; а в том лесу, среди широкой прогалины, действительно увидел я чёрного, одноглазого великана, который пас бесчисленные стада диких зверей. Я подъехал к нему и объяснил, что, странствуя по свету, ищу себе супротивника, равного по силе и храбрости, и затем просил его указать мне, как проехать к источнику.

– Вот тебе тропинка, – сказал великан; – и ступай по ней в гору до самой вершины; там, среди долины под деревом, увидишь источник. Рядом с источником – камень. Зачерпни воды из источника и плесни на камень – тогда увидишь, что из этого выйдет. Предупреждаю однако же, что, если ты из этого приключения выйдешь цел и невредим, то ты можешь считать себя решительно непобедимым и никого на свете не опасаться.

По указаниям великана, я разыскал источник, зачерпнул из него воды, и плеснул на камень... И вдруг загрохотал гром, полился ливень с градом, и разразилась такая гроза, что на дереве над источником не уцелело ни одного листа. И только что гроза приутихла – вдали послышались жалобные стоны и в долине появился рыцарь, на вороном коне, а сам весь в черном с головы до ног, с черным копьём в руке. Он ещё издали кричал мне:

– О рыцарь! Зачем явился ты сюда? Зачем вызвал и поднял ты бурю, плеснув воды из источника на камень? Или ты не знаешь, что эта гроза не оставила в живых никого из моих людей и из моих стад, кого только застигла в открытом поле!

Тут мы с ним сшиблись, и между нами завязалась битва, которая, однако ж, длилась очень недолго, потому что мой противник вскоре выбил меня из седла, причем я ударился оземь и лишился чувств; а он преспокойно повернул своего коня и ускакал, захватив, кстати, с собою и моего коня...

Нетерпеливо и жадно прислушивался к этому рассказу Овенн – лучший из витязей Артура – и когда Кенан стал излагать подробности своей борьбы с чёрным рыцарем, Овенн не вытерпел и спросил его:

– Что же случилось потом?

– Ничего! – преспокойно отвечал Кенан. – Очнувшись от удара, я поднялся на ноги, и пешком добрался до замка, в котором ночевал накануне; а затем я вернулся ко двору Артура на том прекрасном гнедом коне, который был мне подарен любезным владельцем замка... И, признаться, я дивлюсь только тому, что ещё никто из храбрых рыцарей Артурова двора не побывал у этого дивного источника и не померился силами с могучим чёрным рыцарем?

Этих слов было совершенно достаточно, чтобы задеть за живое неустрашимого Овенна. Он тотчас удалился в свою комнату, заперся в ней, стал чистить свои доспехи и оружие и все изготавлять на завтра, чтобы пуститься спозаранку в

дальний путь...

И точно: с рассветом, на другой день, он уже выехал из Артурова дворца и направился, по указаниям Кенана, в ту прекрасную долину, где находился замок гостеприимного владельца, его двух сыновей и двадцати четырех дочерей...

Всё случилось с ним точно также, как и с Кенаном; а потому мы и не станем пересказывать его приключений до той минуты, когда он, воспользовавшись указанием одноглазого чёрного великана, прибыл наконец к источнику, и, зачерпнув из него воды, плеснул на камень. Тотчас вслед за этим раздался страшный удар грома и пролился сильный ливень. Но и гроза, и ливень скоро миновали, небо снова очистилось, и когда Овенн взглянул на дерево, которое росло над источником, то увидел, что на нём точно не осталось ни одного листочка. Пока он осматривал дерево, на ветви его опустилась стая птичек и все они стали петь так сладостно, что Овенн невольно их заслушался.

И вдруг, из глубины долины послышались стоны, и чёрный рыцарь, на вороном коне бурею налетел на Овенна. Однако ж Овенн не смутился, встретил его мужественно, и они сшиблись с такою силою, что копья их сразу разлетались вдребезги. Тогда оба витязя одновременно схватились за мечи, и бой возобновился – но длился недолго: Овенн нанес мечом такой тяжкий удар черному рыцарю, что рассёк гребень его шлема, а также и шапку под шлемом, и череп до самого мозга.

Черный рыцарь почувал, что он ранен насмерть, повернул коня и помчался обратно; а Овенн пустился за ним вслед, но не мог его настигнуть, чтобы нанести ему решительный удар.

Преследуя черного рыцаря, Овенн очутился в виду обширного и богатого замка, который возвышался стройною и величавою громадою на высоком холме, выступая из темных масс густого, почти дремучего леса. Поражённый громадно-стью и великолепием этого замка, Овенн на мгновение даже сдержал коня; но затем вновь устремился в погоню за рыцарем, и они одновременно подъехали к его воротам; но только один черный рыцарь успел в них вскочить... Овенна чуть не придавила тяжелая железная решетка, которая так быстро была опущена в воротах, что перебила задние ноги его коня и даже обломила концы шпор у рыцаря! В довершение бедствия, внутренние ворота замка также захлопнулись, и Овенн очутился как в клетке, в тесном пространстве между створами ворот и решеткой.

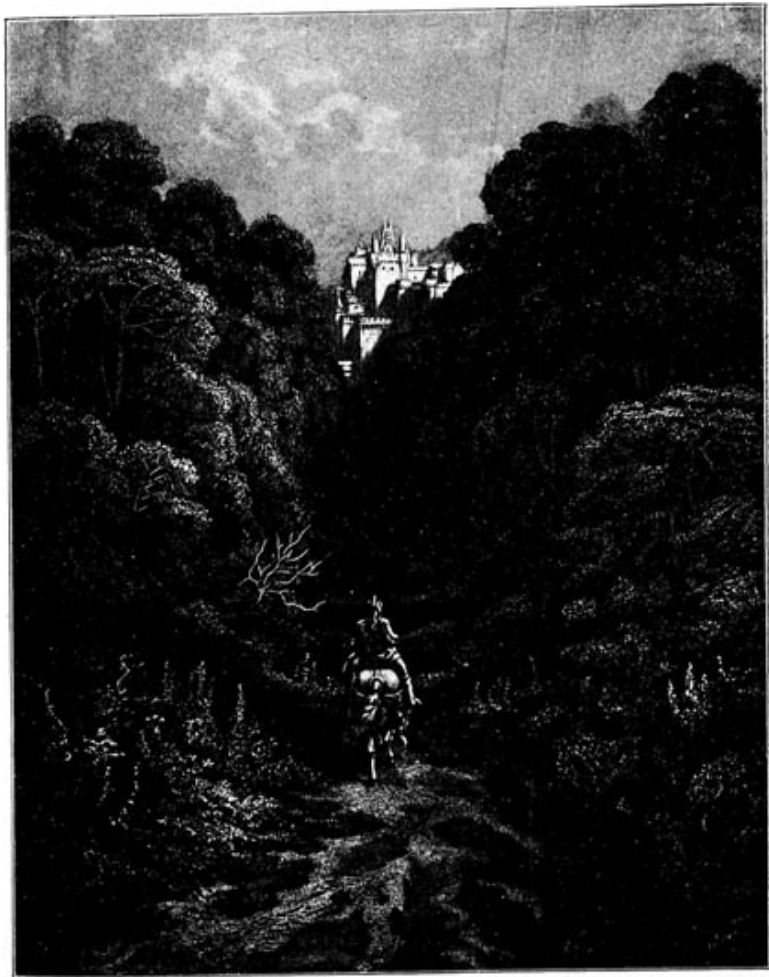
В то время, когда Овенн обдумывал свое положение и поглядывал сквозь щели ворот внутрь замка, он увидел как к ним с той стороны подошла молодая девушка с распущенными по плечам белокурыми кудрями и стала ему нашепты-вать:

– Ничего не опасайся! Я много о тебе слышала хорошего и знаю, как ты бываешь верен в любви и в дружбе, а потому постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы тебя спасти. Вот возьми этот перстень и надень его на палец; стоять

только тебе повернуть его камнем внутрь да зажать в руке – и ты станешь невидим...

При этих словах она передала ему перстень через щель ворот, и продолжала:

– Сейчас придут здешние люди и отворят ворота, чтобы тебя схватить и убить, и очень будут удивлены, когда тебя не увидят... А ты воспользуйся их приходом, чтобы выбраться из твоей клетки, и ступай прямо к тому крыльцу, на котором я тебя буду ожидать. Когда подойдёшь ко мне, так положи мне руку на плечо, чтоб я могла ощутить твое присутствие около себя. Потом сам увидишь, что будет...

Овенн на пути к замку Черного рыцаря.

Как она сказала, так и случилось. Немного спустя, пришли люди, чтобы схватить его и умертвить, но нигде не нашли его, долго искали, и были этим крайне удивлены. А Овенн этим воспользовался, чтобы войти во двор замка, направился к тому крыльцу, на котором его ожидала молодая девушка, положил ей руку на плечо и последовал за нею. Она привела его в большую, роскошно убранную комнату, помогла ему умыться и переодеться, развела огонь в камине и так сытно, так вкусно его накормила и напоила, что он давно уже так и не пил, и не ел. Затем она уложила его спать на свежей роскошной постели... И в то время он слышал шум и движение в замке.

– Что это за шум? – спросил Овенн.

– Несут св. Дары к умирающему владельцу замка, – отвечала девушка.

Овенн заснул; но ровно в полночь был вновь пробужден воплями в замке.

– Что это за вопли? – спросил он.

– Владелец замка скончался, – пояснила ему девушка.

На заре вновь раздались жалобные стоны и крики, и шум толпы, наполнившей двор замка.

– Что это за стоны и крики? – спросил Овенн.

– Несут тело покойного владельца замка в церковь, – сказала девушка.

Овенн подошел к окну, отворил его и был поражен тем множеством вооруженных людей, которые наполняли собою

весь замок; много было в толпе и благородных дам, верхом на конях. Перед гробом шествовало духовенство и певчие; громко раздавалось их пение, сливаясь со звоном колоколов и резкими звуками военной трубы. Гроб несли на руках разные бароны и рыцари в богатых одеждах, а за гробом, в глубоком трауре, в слезах, отчаянно ломая руки, шла дама дивной красоты...

И едва только Овенн увидел ее, сердце его исполнилось любви к ней, и он спросил молодую девушку:

– Кто эта дама?

– Можно смело сказать, и даже призвать Бога в свидетели, – сказала девушка, – что это самая красивая, самая скромная и самая великодушная госпожа во всем свете; притом она отличается и умом и благородством... Это госпожа моя: её зовут «Дама Источника», – она была женою убитого тобой рыцаря.

– Клянусь Богом, что она нравится мне более всех женщин, и что я люблю её всем сердцем! – сказал Овенн.

– За неё я ручаюсь, что она тебя не любит... Но я все же попытаюсь за тебя походатайствовать.

И она вновь послужила ему, умыла, одела его, гладко выбрила ему голову и бороду, напоила и накормила, и когда он прилёг отдохнуть, заперла его на ключ в своей комнате, а сама пошла в замок и прямо направилась в опочивальню своей госпожи. Та была погружена в свою скорбь и никого не хотела ни видеть, ни принимать, но Люнед (так звали эту моло-

дую девушку), любимейшая из приближенных Дамы Источника, прямо подошла к ней, опустилась около неё на колени и взяла её за руку. Желая утешить свою госпожу, Люнед сказала ей:

– Я думала, что ты разумнее отнесешься к постигшему тебя горю? Разве же можно так безумно оплакивать твоего супруга или всякое иное благо, которым мы уже не можем пользоваться?

– О! Как мне его не оплакивать! – воскликнула Дама Источника. – Мне никогда уже не суждено более встретить человека, который бы хотя сколько-нибудь походил на моего покойного супруга!

– Пустое! Найдется, ещё и не один, равный с ним по достоинствам; а может быть найдутся и такие, которые будут и более его достойны твоей руки.

Услышав это, Дама Источника с гневом прогнала Люнед и запретила ей показываться в замке.

– Хорошо, – сказала Люнед. – Я уйду; но не знаю, много ли ты от этого выиграешь? Я желала тебе добра и хотела дать дружеский совет... Коли не хочешь меня слушать, я удалюсь.

И пошла из опочивальни... Однако ж госпожа её одумалась, поднялась со своего места, и, подойдя к порогу, кашлянула довольно громко. Люнед обернулась, и увидала, что госпожа манит её к себе.

– Я верю в твоё доброжелательство и отношение ко мне – и желаю выслушать твой совет.

– Изволь, – сказала Люнед; – ты сама отлично понимаешь, что ты не в силах будешь одна защищать свои владения от внешних врагов. Значит надо тебе поискать кого-нибудь, кто бы взялся их защищать...»

– Да! Но где же мне найти такого человека? – в недоумении проговорила госпожа.

– Пожалуй, я готова даже и указать тебе, где найти его... Охрана твоего источника и твоих владений, на мой взгляд, могут быть поручены только одному из рыцарей короля Артура. И я предлагаю тебе привести в твой замок такого витязя, который сумеет защитить и твой источник, и твои владения от всякого посягательства на них – защитить ещё лучше, нежели защищал твой покойный супруг...

– Мудрено этому поверить, – сказала госпожа. – Но... что же? Попытайся: – съезди за рыцарем.

Люнед удалилась к себе – как будто уехала из замка – а, ровно месяц спустя, доложила госпоже своей, что она привела ей одного из витязей Артурова двора.

– Приведи его ко мне завтра! – сказала Дама Источника с видимым удовольствием. – Завтра я буду готова принять его.

На другое утро Люнед принарядила Овенна и привела его к своей госпоже.

– Люнед! – сказала госпожа, внимательно оглядев Овенна; – По внешности этого рыцаря незаметно, чтобы он совершил дальнейшее путешествие.

– Так что же такое? Тем лучше, – сказала Люнед.

– Я убеждена, – продолжала её госпожа, внимательно вглядываясь в Овенна, – что это – тот самый рыцарь, который убил моего покойного мужа!

– А если бы даже и тот? – сказала Люнед. – Если бы он не был сильнее и мужественнее твоего супруга, он, конечно, не одолел бы его. Да притом – минувшего не воротишь!

– Хорошо; – уведи пока этого витязя. Я соберу всех моих вассалов на совет – и решу этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.